

радость ♥ жизни

Ната Хаммер

Шанс на счастье

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X18

Редактор серии *Антонина Самофалова*

Художественное оформление серии *Екатерины Петровой*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Lana Sham, Lavandaart, GoodStudio, Mohha_stock / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Хаммер, Ната.

X18 **Шанс на счастье / Ната Хаммер.** — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-163435-3

«А без меня, а без меня тут ничего бы не стояло, и солнце б утром не вставало, когда бы не было меня», — усвоила Аля Соколова еще в юности и пронесла эту уверенность через всю жизнь. Строгая и бескомпромиссная, Алевтина Сергеевна причиняет добро детям и внукам и ведет непримиримую войну с вороватым дачным соседом. И когда выясняется, что для победы героине не хватает компьютера и навыков работы с ним, она, не задумываясь, бросается на ликвидацию своей компьютерной безграмотности и становится продвинутым пользователем. Жидкокристаллический экран открывает героине доступ в дивный новый мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163435-3

© Хаммер Н., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Недолюбленным детям
Великой Отечественной
посвящается*

Глава 1

Алевтина Сергеевна падала камнем вниз. Летела и на лету пыталась оправить юбку, чтобы никто не мог увидеть ее исподнего. Она услышала гомерический хохот: это потешались над ней столкнувшие ее члены правления. Еще секунда — удар о мостовую неизбежен.

Алевтина Сергеевна вздрогнула всем телом, проснулась и вскочила с кровати. Сердце бешено колотилось, язык был сухим и шершавым, как наждачная бумага, а тело покрылось испариной. За окном мансарды поднималось неспешное сентябрьское солнце, а над мусорными контейнерами, приткнутыми снаружи к забору ее участка, омерзительно каркая, кружило воронье.

Алевтина Сергеевна схватила с прикроватной тумбочки стакан с водой. Ее руки мелко дрожали, а зубы выбивали дробь. Вода потекла по подбородку. Поставила стакан, утерлась, торопливо натянула махровый халат и нырнула под кровать. Вытащила из пыльного укрытия куль связанных шпагатом пожелтевших простыней, распеленала и извлекла из кожаного чехла мужнину «мурку»¹. Наскоро протерев стволы и пропихнув шомполом от казны к дулу лоскут, оторванный от старой фланелевой рубашки, Алевтина Сергеевна с первого раза собрала двустволку, хотя не делала этого лет

¹ «Мурка» — МР-153 — российское самозарядное гладкоствольное ружье, в народе называемое «мурка», применяется для различных видов охоты, спортивной стрельбы, охраны правопорядка и самообороны (здесь и далее прим. ред.).

двадцать. Руки все еще ходили ходуном, а голова прокручивала смертельную ситуацию из сна, но Алевтина Сергеевна с ружьем уже спустилась вниз, на кухню. Растворила скрипучие створки старого пузатого буфета влезла туда с головой и из самого чрева вынула банку с чем-то, напоминающим маринованные стебли сельдерея. Выдвинула ящик со столовыми приборами, достала нож, перевернула посудину крышкой вниз и стала ловко отгибать закатанный край. Дрожь прошла, пришел кураж.

— Врете, голыми руками не возьмете! — бормотала Алевтина Сергеевна, переломив ружье и выживая из откупоренной банки самокрутные патроны.

Зарядив оба ствола, она защелкнула ружье, нырнула босыми ногами в короткие резиновые сапоги, распахнула дверь кухни и, лавируя между рассыпанной на веранде созревающей антоновкой, устремилась на крыльцо. Слегка расставив ноги, Алевтина Сергеевна сняла ружье с предохранителя, прижала приклад к плечу и, прицелившись в сидевшую на заборе ворону, нажала на спусковой крючок. Ружье кликнуло. Осечка. Алевтина Сергеевна резко нажала на второй спусковой крючок. Оглушительно громкий выстрел отразился от кирпичных стен соседских домов, стекла веранды задрожали, а от сильной отдачи в плечо Алевтина Сергеевна потеряла равновесие и больно приземлилась на ступеньку. Черный дым заволакивал обзор, в ушах звенело, как при срабатывании пожарной сигнализации. Правое плечо ломило. В голове гудело. Копчик ныл. Алевтина Сергеевна пошевелила пальцами зашибленной руки, потеряла поясницу. Подняла «мурку», закинула на левое плечо и зашагала по клубничным грядкам к рифленому металлическому забору. Убитая ворона лежала у кучно перфорированного дробью забора с раскрытым клювом, как будто подавившись своим криком.

— На кабана эти патроны готовил, — самой себе сказала Алевтина Сергеевна. — Надо было другую банку вскрывать.

Алевтина Сергеевна приставила ружье к забору, вытащила из кармана халата моток мягкой проволоки, взяла ворону за крыло и примотала к верхнему краю забора. Повисла гробовая тишина. Не то что ворон, воробьев и тех не было слышно.

Алевтина Сергеевна подняла ружье и походкой довольного трофеем охотника неспешно вернулась к дому.

Она мыла руки у крыльца, когда в кармане забулькал телефон. Наскоро вытерев руку о халат, Алевтина Сергеевна извлекла из кармана кнопочную «Нокию», и, не глядя, забросила ее к уху, прижав плечом.

— Слушаю, — строго сказала она в трубку.

Из телефона донесся истеричный голос дочери:

— Мама, ты что творишь?!

— Во-первых, Шура, доброе утро. Во-вторых: ты о чем?

— Ты только что стреляла из ружья на территории поселка и подвергала риску жизни соседей!

Алевтина Сергеевна быстро обвела взглядом соседские окна. Во втором этаже у Золотаревых дернулась занавеска. Шпионы, сволочи! Алевтина решила уйти в несознанку.

— Кто тебе сказал такую глупость?! — возмутилась она в трубку.

— Мария Николаевна прислала фотографию из поселкового чата. Золотарев тебя зафиксировал с ружьем. Халат твой полосатый и сапоги зеленые. А выстрел все слышали. Они в полицию звонить собираются! Откуда у тебя ружье?

Отпираться дальше было бессмысленно.

— Отец твой из Сибири привез в восьмидесятом, — сообщила Алевтина Сергеевна.

— И что, оно до сих пор стреляет?!

— По крайней мере, некоторые так считают.

— Петя сейчас выезжает за тобой. Через пятнадцать минут будь готова!

— К чему?

— К эвакуации, мама! Или ты хочешь объясняться с полицией?!

— И что, ты спрячешь меня в вашем бронированном подвале? — с издевкой спросила Алевтина Сергеевна.

— Нет, мама. Ты домой поедешь, в Москву, вместе с ружьем.

— Я малину еще не проредила.

— Хочешь посидеть в обезьяннике с проститутками, пока мы будем собирать деньги на залог? Ружье же не зарегистрировано!

Крыть Алевтине Сергеевне было нечем. В обезьянник ей не хотелось. «Сон оказался пророческим», — подумала она и быстро перехватила у дочери инициативу.

— Скажи Пете, чтобы подъезжал к задней калитке, которая в лес. От Золотаревых она не видна. Я мигом!

И, цапнув стоявшую у крыльца Мурку, Алевтина Сергеевна прохромала в мансарду, охая переделалась в брюки и свитер, разобрала и сложила в чехол ружье. Поместила компромат в огромную корзину, которую она использовала для сбора соснового лапника. Туда же положила банки с патронами и свою сумочку, прикрывла брутальный натюрморт мешком изпод сахара, заперла дверь висящим на шее ключом, взяла у крыльца палку и направилась к задней калитке — вроде как в лес по грибы.

Джип зятя уже стоял за кустами шиповника, приглушенно урча. Алевтина Сергеевна бросила палку под куст, открыла заднюю дверцу, втокнула корзину, залезла сама и скомандовала взъерошенному затылку зятя:

— Едем!

Петр в изумлении обернулся назад:

— Куда? Ваша дочь сказала — в Москву вас срочно отвезти надо. А вы с корзиной.

— Это конспирация, Петя, конспирация!

— С вами, дорогая теща, не соскучишься. Что это вам вдруг приспичило? Я даже побриться не успел, — и он потер белесую щетину.

— Мне приспичило?! Это все жена твоя заполошная. «Уезжай срочно! Они тебя посадят!» Посадят! Это я их всех, воров, пересажаю!

— Я не понял: а зачем нужно было сзади подъезжать? Тут одни колдобины...

— Оно, Петя, и спереди были одни колдобины, пока я им дорогу не организовала. И мало того что не заплатили за мой труд, так теперь еще и измываются!

— Над вами?!

— Ну, не над тобой же! Ты сидишь в своем компьютере и жизни в упор не видишь!

Лицо Петра отразилось в зеркале заднего вида.

— Так расскажите мне про жизнь! — привычно поддел Алевтину Сергеевну Петр.

— Зря ты ерничаешь, Петя! — вскинулась Алевтина Сергеевна. — Ой зря! Вот возьмут тебя за жабры...

— За какие провинности? — поинтересовался Петр.

— Они найдут, — заверила зятя Алевтина Сергеевна. — В нашей стране невиновных нет. Особенно среди предпринимателей.

— Я, Алевтина Сергеевна, не предприниматель. Я изобретатель.

— Это ты следователю будешь рассказывать, — отмахнулась Алевтина Сергеевна. — Раз извлекаешь доход из своих изобретений — значит, предприниматель. И добро бы ты на благо Родины работал, что, конечно, не приведи господи, они и без твоих изобретений из-за каждого угла за нами следят и из каждого утюга подслушивают, так ты же все свои изобретения на Запад гонишь!

— А что делать, если Родине нравится закупать мои изобретения из-за бугра? — Задетый за живое Петр развернулся к теще вполоборота, выставив вперед ощетинившийся подбородок.

— Не вертись, Петя! За дорогой смотри. Вот сейчас яма будет.

— Слушайте, теща! Еще одно слово — и поедете в Москву на автобусе!

Алевтина Сергеевна поняла, что зять не в духе, и замолчала. Они вывернули на асфальт, машина пошла ровно, почти бесшумно. Конечно! Она лично проверяла каждый метр этой дороги от трассы к поселку. Алевтина Сергеевна как представитель заказчика такую госприемку дорожной компании устроила, что у прораба Гургена тремор случился. Она пересчитала каждый кубометр песка и щебенки, каждый мешок асфальта — все до последнего ограничительного столбика. Дневала и ночевала на стройке. А как же иначе, деньги-то общественные. И вознаграждение себе она в смету заложила, по согласованию с товариществом: двести тысяч за сдачу под ключ. Дорога-то вот она, а где ее деньги? Правление эти деньги на новую водонапорную башню потратило, потому

что башня нужна была срочно, сезон, полив, а старая взяла и обвалилась. А то, что крыша у ее дома течет и венцы стропил все в грибок, кого волнует? Так и заиграли ее гонорар...

Они уже почти подъехали к трассе, когда услышали полицейскую сирену. Навстречу им двигался полицейский «Форд».

— По вашу душу, наверное, дорогая теща! — засмеялся Петр и посмотрел в зеркало заднего вида, но тещи на месте не было. Петр резко нажал на тормоз.

— Алевтина Сергеевна, вы где? — растерянно спросил он.

— Не тормози, Петя! — послышался приглушенный голос откуда-то из-под сиденья. — И не оборачивайся. Езжай себе спокойно. Я так, отдохнуть прилегла.

Стоя между мусорными контейнерами под растопырившей крыльях вороной, Пал Палыч Золотарев размахивал руками, тряс животом и брызгал слюной. Венчик серебристого пушка, окаймлявший внушительного размера череп, контрастировал с почти багровым безволосым центром.

— На каком основании вы отказываетесь принимать у меня заявление, лейтенант? — кричал он.

— На основании отсутствия оснований, — отвечал нагловатый участковый.

— Вы ворону видите? — напирал Золотарев, тыча в сторону дохлой птицы скатанным в трубочку листом бумаги.

— Вижу. Ворона — не основание, — ровно и без эмоций отвечал участковый.

— Вы возьмите ее на экспертизу и найдете в ней дробь! — кипятился Пал Палыч.

— Дробь — не основание. Может, эту ворону гражданке Синицыной в забор воткнули вы. На почве личной неприязни, — и участковый испытующе уставился на Золотарева.

— Вот фотография! — и Пал Палыч ткнул пальцем в телефон.

— И фотография не основание. На ней женщина не стреляет.

— Но она ходит по участку с ружьем!

— Законом не возбраняется, — парировал участковый.

— Но вы должны ее хотя бы опросить!

— Не имею такой возможности. Гражданка Сеницына на принадлежащем ей участке в данное время отсутствует.

— Она по грибы пошла. Я лично видел, как она с корзиной шкондыбала к задней калитке.

— С ружьем?

— Нет, без ружья.

— Да я смотрю, вы плотное наблюдение за Сеницыной установили.

— Наблюдение?! Да я не за Сеницыной, я за контейнерами слежу. Чтобы строительный мусор туда не сваливали. А Сеницына в поле зрения сама попадает.

— Вы вывозом мусора лучше бы озаботились. Я вот санитарному инспектору шепну — пусть придет, посмотрит...

— Да уверяю вас, вывозим регулярно, — залебезил Пал Палыч, смахивая ладонью выстуживший на лысине пот. — Но эти чертовы вороны! Их целая стая! И каждое утро пакеты рвут и швыряют, рвут и швыряют.

На лице участкового появилась язвительная ухмылка.

— То есть правление сэкономило на контейнерах с крышками? И при этом устроило мусорку у забора гражданки Сеницыной? И провоцировало ее на войну с воронами? То есть вы, председатель этого правления, — подстрекатель? Так получается?

— Вы что, не понимаете? Она сумасшедшая! Она нас всех тут перестреляет! — взвизгнул загнанный в угол Пал Палыч.

— Вот тогда и появится основание для возбуждения дела, — заверил участковый.

— Какой цинизм! — взорвался Пал Палыч. — Я на вас в управление напишу!

— Пишите! Это ваше гражданское право. А я напишу рапорт о ложном вызове. И вас оштрафуют, — и полицейский потянулся к висевшему через плечо планшету.

— Почему ложном? — остолбенел Пал Палыч. — Весь поселок слышал выстрел!

— Но никто не видел — кто стрелял, — напомнил участковый. — Вы что заявили, когда звонили в отделение? Что в поселке стреляют! Я думал, тут соседская ссора за разделительную межу или вштырился кто и с призраками сражается.

А у меня утопленник на берегу озера. Рыбаки на зорьке выловили. Я бросаю утопленника, мчусь сюда, а вы мне дохлой вороной в нос тычете.

— Да нет... Что вы, товарищ... господин лейтенант, я без злого умысла звонил. Чисто из профилактических соображений. Вы извините меня, если что не так. Я искренне раскаиваюсь. А с мусором мы все решим. И крышки установим, и ворон изведем. Заверяю вас. Не надо тревожить инспектора, — и Золотарев засунул скрученное заявление, которое все еще держал в руке, в карман мешковатых спортивных штанов. — А позвольте угостить вас чаем. У меня в этом году восхитительное вишневое варенье. А какая наливка из сливы, у-у-у! На гвоздике. С корицей. Аромат умопомрачительный! А вкус какой!

Участковый сглотнул слюну и с сожалением вздохнул:

— Не выйдет. Утопленник меня дожидается.

— Так давайте я вам с собой заверну, — засуетился Пал Палыч. — Утопленника оприходуете, а потом чайку попьете. С наливочкой.

И он достал из кармана желтую рацию, откашлялся и произнес в нее мурлыкающим голосом:

— Галя, я с нашим участковым беседую тут, у мусорок. Будь любезна, принеси бутылочку наливки твоей фирменной, баночку варенья вишневого и пирожков не забудь. Только нужно очень спешно, лейтенант торопится.

Через пять минут с подпертого псевдоримскими колоннами крыльца дома Золотаревых спорхнула улыбчивая Галя. Золотарев и участковый уже мирно беседовали о катастрофических неудачах российской сборной по футболу и в унисон крыли матом спортивных чиновников. Участковый, не прерывая разговора с Пал Палычем и не глядя на Галю, протянул руку за спину, открыл заднюю дверь «Форда» и легким кивком указал внутрь. Галя наклонилась к машине, аккуратно положила пакет под сиденье и, по-прежнему улыбаясь, отступила в тень, отбрасываемую могучей липой в осеннем золотом уборе. Золотарев пожал участковому руку, тот сел в машину, закрыл дверь, завел мотор и, резко нажав на педаль, с визгом рванул с места, оставив Золотаревых вдыхать отра-

ботанные газы. Пал Палыч дождался, когда машина скрылась из виду, а супруга исчезла за дверью дома, достал телефон и позвонил.

— Алло! — строгим начальственным тоном сказал он в трубку. — Костян, ты? Чем занят? Обрезкой, что ли? Как закончишь, загляни ко мне в вагончик. Дельце тут для тебя есть интимного свойства. За хорошие деньги. Только, слышь, никому ни слова. Усек? Ну, молодца! Ты понятливый. И не болтун. За что и ценю.

Сунул телефон в карман брюк и поспешил в дом: кушать остывающие пирожки.

Глава 2

Тамбур между входной дверью и металлоискателем на входе в здание районного суда был узеньким и тесным. Дверь то и дело скрипуче открывалась, жалуясь на свою хроническую несмазанность, со свистом и треском впуская и выпуская людей. Когда входило больше трех человек, дверь оставалась открытой — и сквозняк, устремлявшийся в просторный холл с искусственными пальмами в кадках, рвал из рук посетитель листочки повесток и тербил страницы в журнале регистрации у постовых. После того как полчаса назад перед постовыми обозначилась Алевтина Сергеевна, она полностью узурпировала внимание старшего по посту — седовласого дедка с натруженными руками огородника в паутине мелких черных трещинок.

— Я вам в десятый раз объясняю, — кипятилась Алевтина Сергеевна. — Мне приходило извещение о повестке, но по месту прописки в Москве, а я была на даче, понимаете? И повестка ушла обратно.

— Вот езжайте домой и ждите новую, — в десятый раз отвечал ей старший по посту. — Получите и приезжайте в назначенное время.

— Легко сказать — езжайте и ждите. Мне до дому час электричкой, а потом метро и троллейбус.

— Ну а мы-то что можем сделать? — риторически поинтересовался постовой.

— Пустить! — нашлась Алевтина Сергеевна.

— Женщина, я вам в десятый раз говорю: не положено! Нам потом навтыкают. Давайте выходите! Вы нам работать мешаете.

— Не выйду, — твердо сказала Алевтина Сергеевна.

— Сейчас позову дежурных — выведут, — пригрозил дедок.

Алевтина Сергеевна вспомнила, что в прошлое воскресенье она чуть не вляпалась в конфликт с законом, и сочла за лучшее отступить.

— Что же, по-вашему, мне сидеть дома как псу на привязи, у почтового ящика караулить? — разворачивая сумку на колесиках ручкой к двери, вздохнула Алевтина Сергеевна.

— Ну, раз вам приспичило судиться — сидите и ждите, — отрезал старший по посту.

— Не могу. У меня малина еще не прорежена.

— Что это вы так припозднились? — заинтересовался дед. — Я вот еще в августе проредил.

— У меня ремонтантная.

— Я ремонтантную извел. Кислая.

— У вас, значит, сорт не тот, — авторитетно заявила Алевтина Сергеевна. — Машина у вас есть?

— Ну, допустим, — осторожно ответил старший по посту. — А что?

— Освободитесь — заезжайте ко мне в Дубки, я вам хорошей накопаю, сладкой.

— Я на сутках. Завтра только освобожусь.

— Так я буду там до четверга. Потом поеду в Москву, повестку караулить.

— А чего вы туда-сюда ездите? Интернета, что ли, нет? — поинтересовался дедок.

— Зачем бы он мне?

— Как зачем? Чтобы повестку не караулить. Зашли на сайт, ввели номер дела — и тут же узнали: назначили не назначили, во сколько и куда. Сами если не можете — соседей попросите.

— С соседями я сужусь... — Алевтина Сергеевна безнадежно махнула рукой.

— Ну, детей там, внуков подгрузите.

— Моих внуков подгрузишь! — горько произнесла Алевтина Сергеевна. — Где сядешь — там и слезешь.

— Ну, значит, самой интернет надо освоить. Вы вроде женщина интеллигентная, с высшим, поди, образованием. Так я тогда подъеду за малиной. Какой у вас участок-то?

— Первый. Заезжайте, — и Алевтина Сергеевна распахнула визгливую дверь.

— Завтра заскочу, — пообещал старший поста. — Вы уж на нас зла не держите, что не впустили. Мы люди подневольные. У нас — инструкция, — извинился он.

Но его последние слова потонули в дверном визге и остались в тамбуре. А Алевтина Сергеевна, захваченная водоворотом собственных мыслей, уже спешила к автобусной остановке.

А внуки, конечно, могли бы по ее просьбе сходить на сайт, но ведь они тут же настучат матери про то, что бабушка с кем-то судится. И даже скажут с кем. И начнет Шурка причитать. А эти ее причитания уже аллергию вызывают. Вечно Шурке страшно. Ей даже родиться было страшно, акушерке пришлось ее на свет полотенцем выдавливать. И в кого она такая? Не в мать, не в отца, не в проезжего молодца... И чуть что — к отцу под защиту. А тот и рад стараться — деточку от матери оборонять.

Да, дура она, Алевтина, всю жизнь мужу верность хранила. А он-то, оказывается... Да... Кто бы мог подумать... Всю их совместную жизнь жену друга... как это теперь называется... хотел... И дохотел-таки. На старости лет, позорник. Друг Коля ему подыграл: от сердечного приступа в пятьдесят семь скоптылся. А ее Лева зачистил вдове помогать по хозяйству, а Алевтина ему — езжай, конечно, святое дело, а он раз поехал и не вернулся. Даже за вещами. Белье и то не забрал... Позволил и сказал: «Прости, Аля, но я останусь у Кати. Я ее всегда любил. Просто Коля опередил меня тогда, на танцах». И трубку положил. А она стояла у кованого столика в коридоре и все слушала пи-пи-пи неизвестно сколько, а потом подумала: хорошо, что дочь уже замуж выдали и что с работы она успела уволиться — и не надо в глаза смотреть ни родственникам на свадьбе, ни сослуживцам на работе, сгорать от стыда и слышать хохоток за спиной, что Синицына теперь брошенка.

А Катя, стерва, всю жизнь ей советовала, как слевой обращаться. Все повторяла: «Не жми его так, Алька, не перегибай палку». А не жми она его, майором бы в отставку пошел, а не полковником. Коля его все время за уши тянул, а она, Алька, подталкивала. Потому что хоть и назвали его родители Львом, но в душе он — травоядный. С несерьезной фамилией Синицын. Она ему предлагала свою девичью фамилию взять — был бы Лев Соколов, звучит-то как! Но он родителей не хотел обидеть, да и документы менять тоже морока, один военный билет чего стоит. Поэтому она стала из Соколовой Синицыной, а не наоборот.

Лева потом через дочь предложение про развод закидывал. Еще не хватало! А потом что: имущество делить? В генеральскую квартиру заселился и за генералом штаны донашивает, ему еще и половину совместно нажитого отдать?! Мало того что трус — боится ей на глаза уже пятнадцать лет показаться, так еще и стяжатель.

А Шурка-предательница на его сторону встала. У папы чувства! А мама у нее как будто бесчувственная. То, что она, Алевтина, никогда не позволяла себе выходить за рамки, еще не означает, что у нее нет чувств. Ведь вот когда Лева позвонил ей тогда, что она чувствовала? Будто земля под ногами разверзлась. Будто она стала вдовой, а не Катя. Что ей тогда больше всего хотелось? Взять ружье и застрелить их обоих. Но если все будут следовать сиюминутным чувствам, что будет? Мир полетит в тартарары. Она бы точно в тюрьму загремела. И кому от этого было бы лучше? Никому.

И что они в этой Кате нашли? Ну ладно, в молодости была аппетитная фигура. Но быстро расплылась как тесто в квашне. Глаза ее васильковые. Да, глаза. Но их еще надо найти на этом отечном лице. Но вот велись же на нее мужики. Почему? У Алевтины не было ответа.

В отдалении показался автобус. Алевтина Сергеевна подхватила свою тележку и юркнула между выходящими и входящими. Войдя, нависла над парнем в наушниках и слегка проехала ему по ботинку колесом. Парень открыл осоловевшие глаза. Алевтина Сергеевна сердечно извинилась. Парень вздохнул и встал. Алевтина Сергеевна села и вытянула ною-

щую ногу. Она не заметила, как задремала. Ей снилось, что она ползет по минному полю в противогазе и с ружьем, чтобы проникнуть во вражеский арсенал компьютеров. На входе в арсенал прохаживается Золотарев с автоматом Калашникова на изготовку. Алевтина прицеливается и стреляет Золотареву прямо в глаз. Ружье дает отдачу, и ей больно. Но она стреляет снова и снова, и ружье сотрясает ей плечо. Алевтина Сергеевна проснулась. За плечо ее тряс водитель.

— Женщина, конечная! Выходите из автобуса!

— Какая конечная? — пробормотала спросонья Алевтина Сергеевна. — Мне в «Дубки».

— Проспали вы «Дубки».

— Так ведь назад-то поедете? — с надеждой спросила Алевтина Сергеевна.

— У меня смена кончилась. Выходите. Назад пойдет другой автобус. Через час двадцать.

Алевтина Сергеевна кряхтя вышла из автобуса и выволокла сумку. День явно не задался. И Алевтина нутром чувствовала, что на сегодня это еще не все.

Когда к вечеру добралась до дачи, она ощутила невнятную тревогу. В доме было тихо, но как-то зябко и влажно. Дверь из кухни в зал разбухла. Ссохшиеся за лето половицы вдруг перестали скрипеть, а окна подернулись холодной испариной. «Не по сезону, — подумала она. — Придется затопить печь». Однако выходить из дома и тащиться к поленнице у нее уже не было сил. «В подвале дрова есть, — с благодарностью к собственной предусмотрительности вспомнила Алевтина. — Не зря в прошлом году заставила Пашку туда натаскать».

Алевтина Сергеевна открыла дверь в подвал и щелкнула выключателем. Но лампочка внизу не зажглась. Алевтина Сергеевна устало чертыхнулась, вернулась на кухню, нашла фонарик. Вернулась к двери, включила фонарь и ахнула: из двенадцати ступеней лестницы половину закрывала вода. Ее бетонированный подвал был полон воды! Пляшущий свет цеплял пустые пластиковые канистры — ее стратегический запас укрывного материала для рассады, а посреди всей этой вакханалии, горбатясь спиной в черном пальто, раскинув руки и розовея затылком, замер... труп! Крик ужаса застыл

в горле Алевтины Сергеевны. Через пару секунд она поняла, что приняла за труп всплывшую куртку мужа. У ворота куртки причалил старый резиновый мяч.

Ноги ее уже держали плохо, она рухнула на табурет. И все же высиживать было совершенно некогда. Цепляясь за дверную ручку, Алевтина поднялась и, как была в тапочках, бросилась ко входу на участок — перекрывать летний водопровод. Потом метнулась к колодцу, вытянула погружной насос и поволокла его к дому вместе с тянувшимся от него шлангом. Не колеблясь, выбила кирпичом стекло в зарешеченном подвальном оконце, просунула внутрь насос и опустила до самого пола. Протащила шланг в малинник, туда, где участок плавно спускался под косогор, и, спотыкаясь в сумерках о черный шнур, размотала удлинитель, подключила насос.

Ее била дрожь, мысли метались и путались. Трубу могло прорвать — это ясно. Надо бы зятю позвонить. Но звонить не хотелось. Будет опять ей выговаривать. К тому же она теперь в ссоре с Шуркой.

Шурка пришла к ней в квартиру в воскресенье вечером и потребовала отдать ей ружье. Но Алевтина Сергеевна заявила, что отдаст его только владельцу с рук на руки. Шурка сообщила, что папа сейчас в санатории. Алевтина Сергеевна сказала, что тогда ружье подождет его возвращения. Шурка возразила, что не может оставить ее наедине с ружьем в таком состоянии. Алевтина Сергеевна поинтересовалась, какое такое у нее состояние. Шурка поколебалась, а потом выпалила: «У тебя истероидный синдром». Алевтина Сергеевна потребовала объяснить, в чем этот синдром проявляется. Оказывается, это такое нервное расстройство, когда человек совершает неожиданные демонстративные поступки, чтобы привлечь внимание окружающих. Что такой человек — беспредельный эгоцентрик и его даже ненависть окружающих устроит: лишь бы не остаться без внимания.

Алевтина Сергеевна почувствовала себя оскорбленной. Это она, которая всю жизнь думала только о других, — эгоцентрик? Алевтина заявила дочери, что ее психологические знания давно выветрились, и пусть лучше о себе позаботится, сбросит лишний вес и займется чем-нибудь полезным для

общества. Шурка обвинила мать в неблагодарности. Алевтина Сергеевна сказала, что Шуркина забота у нее уже в зубах навязла, что она не больная и не немощная, и не надо ее опекать, как ребенка. И попросила оставить ее в покое. И вот теперь этот потоп. Нет, она не даст повода Шурке торжествовать. Она как-нибудь обойдется своими силами. Осталось понять — как. Пока идей не было.

Мало-помалу Алевтина Сергеевна согрелась и успокоилась. Не было еще такого случая в ее жизни, чтобы ситуация осталась безвыходной. А пока нужно было хорошо выспаться.

Ее разбудил пронзительный звонок у входной калитки. Она вылезла из-под одеяла и выглянула в окно. У калитки около «газика» стоял вчерашний дедок-охранник из суда. Ах да, она ему малины обещала накопать. Она открыла форточку и прокричала, что сейчас выйдет. Быстро скрутила пучок на затылке, не глядя, воткнула пару шпилек, пригладила волосы и, как была в халате, спустилась вниз.

Дедок стоял, положив руки на штaketник, и с любопытством разглядывал участок Алевтины.

— Утро доброе! — поприветствовала он хозяйку. — Одна тут воюете?

— В каком смысле? — опешила Алевтина Сергеевна. — Вы про ворону?

— Я про вас. В том смысле, что мужской руки на участке не вижу.

Алевтина хмыкнула:

— Ноги его тут не было три пятилетки, не то что руки.

— Помер, что ли? — участливо осведомился дедок.

— Сбежал, — честно призналась Алевтина.

— Бывает, — только и нашелся сказать дедок. — Так я про малину.

— Да, проходите вон туда, — махнула рукой в сторону забора Алевтина. — На ворону курс держите. Я сейчас лопату принесу.

— Не надо. У меня своя. Саперная. Из титана, — и только теперь Алевтина заметила у дедка в правой руке небольшой чехол защитного цвета.

— Вы что же, все время лопату с собой возите?

— Я много чего вожу. Привычка. Пожарный я, — и, увидев удивление хозяйки, добавил: — Бывший.

— Жаль, что не сантехник, — вздохнула Алевтина и зашуршала по гравию к малине. — Сантехник мне сейчас позарез нужен.

— Случилось что?

— Протечка. Подвал затопило. Всю ночь откачивала.

— Плохо, — оценил ситуацию дедок. — Сейчас малину ковырнем, я погляжу.

Они дошли до малинника. Под ногами зачавкало.

— Сюда, что ль, сливали?

— Сюда.

— А я ехал — гляжу, что это у вас мусорные контейнеры вдоль забора в луже стоят? От вас, значит, натекло.

— А пусть туда не ставят. Не место им там, — жестко отрезала Алевтина и подозрительно посмотрела на дедка: — А как вас охрана через шлагбаум пропустила?

— По знакомству, — объяснил дедок. — Кум мой сейчас там на смене.

— А вот вы меня в суд вчера не пропустили, — попеняла дедку Алевтина.

— Так вы ж мне пока не кума, — хохотнул дедок. — Вот через малину породнимся... Вас, кстати, как звать?

— Алевтина. Сергеевна.

— Аля, значит. А меня Николаем. Можно просто Коля, — дедок сорвал с куста уцелевшую ягоду и кинул в рот. — А малина у вас знатная. Не зря заехал.

Коля оказался мужчиной на редкость обстоятельным. В его «газике» нашелся и набор слесарных инструментов, и рыбацкие сапоги, и мощный фонарь. Он обследовал водопровод снаружи и внутри, но никаких протечек не нашел.

— Что за черт! — повторял он, в десятый раз обходя дом по периметру. — Откуда ж могло натечь-то?

Алевтина между тем разгребала подвал. Разбухшие картонные чемоданы оказались неподъемными и к тому же не желали открываться. Мешок игрушек, оставшийся от внуков, весил теперь не меньше центнера. И вот уже вся лужайка перед домом была захламлена, а подвал не освободился

даже наполовину. Мокрая от воды и пота Алевтина присела на крыльцо и тоскливо рассматривала жалкое, ненужное, нелепое шмотье.

— Ух ты! Это же костюм химзащиты! — услышала она восхищенный голос завершившего очередной круг Коли. — Откуда?

— От мужа остался, — Алевтина вспомнила, как Лева притащил домой в начале девяностых три костюма разных размеров. — Надо — берите.

— Не откажусь. Для ночной рыбалки хорошо. И не холодно, и комар не ест, — Николай поднял с травы серые прорезиненные штаны на подтяжках.

— Ну что, протечку нашли? — уже без всякой надежды спросила Алевтина.

— Нет у вас протечки. Вредительство это было, — авторитетно заявил Коля.

— Я так и думала. Не пойму только, как они воду туда залили.

— Так из шланга. В окошечке стекло аккуратненько сняли и воды налили. А потом обратно поставили. Только гвоздочки в штапики забили новые. Шляпки блестящие, как с витрины. Кому-то вы крепко дорогу перешли.

Алевтина Сергеевна промолчала.

— Полицию вызывать будете? — поинтересовался Николай, сворачивая костюм в трубочку.

— Не буду.

— Что так?

— Да так, — отрезала Алевтина Сергеевна.

— Страховка-то есть? — не отставал Николай.

— Нет.

— А вот это зря.

«Господи, еще один умник на мою голову», — подумала Алевтина Сергеевна. Ее подмывало выставить дедка за калитку, но она сдержалась. Старался все-таки мужик. Николай присел рядом с Алевтиной.

— Что с соседом-то не поделили? — полюбопытствовал он, указав подбородком на дом Золотарева.

— Жулик.

— Жуликов много. Но судитесь-то вы только против него.

— Не только. Я сужусь против всего правления. А он — председатель, — нехотя объяснила Алевтина Сергеевна.

— Ну-ну. А овчинка-то выделки стоит?

— Я за справедливость.

— А адвокат-то есть?

Дольше терпеть этого нудилу Алевтина Сергеевна не могла.

— Спасибо за помощь, Николай, как вас по бабушке. Вам, наверное, домой надо, — и Алевтина решительно встала со ступеньки.

Дедок вздохнул и тоже встал.

— Вам спасибо. За малину и костюм.

Он подхватил ящик с инструментами, сунул скатанный костюм под мышку и пошел к калитке. Потом остановился и обернулся.

— Вы хоть интернет заведите. Там бесплатные консультации есть.

— И за совет спасибо. Заведу, — пообещала Алевтина Сергеевна, едва сдерживаясь, чтобы не взорваться.

Она с трудом дождалась, когда Николай закроет за собой калитку, сядет в свой «газик» и уедет. Потом вошла на веранду и повалилась на диван. Ее трясло от ярости, усталости и бессилия.

Глава 3

Компьютер Алевтина Сергеевна себе купила. В ближайшем магазине бытовой техники была акция. Минус двадцать процентов. Она растерялась, когда консультант спросил ее, какого именно типа и какой марки компьютер она хочет. Сначала она остановилась на ноутбуке, но когда ей объяснили, что она сможет смотреть на компьютере любое кино по своему выбору, передумала. Кино лучше смотреть с большого экрана. Тем более что на этот «Асус» была дополнительная скидка. И по цене он получался значительно дешевле ноутбука.

Пришлось, конечно, потратиться на такси, ну и ладно. Вот только то, что лифт опять сломается, пока она будет поку-

пать компьютер, Алевтина Сергеевна предусмотреть никак не могла. И ей пришлось тащить «Асус» весом в восемь кило на свой седьмой этаж по лестнице. Екала печенка, сбивалось дыхание — но Алевтина Сергеевна не пожалела о принятом решении. Она вообще никогда ни о чем не жалела.

В сумке завибрировал и забулькал мобильник. Даже не глядя на него, Алевтина Сергеевна знала: звонит Шурка. Алевтина Сергеевна осторожно поставила коробку на площадку и достала телефон.

— Да, — шепотом произнесла Алевтина Сергеевна.

— Мама, это я. Почему ты шепчешь? — раздался из трубки встревоженный голос Александры. — Мама, скажи честно, ты заболела? У тебя болит горло? У тебя пропал голос?

— Не дождешься, — рывкнула Алевтина Сергеевна и выключила мобильник.

Она рывком подхватила коробку. Нужно было спешить. Встревоженная Шурка будет здесь через пятнадцать минут, и за это время Алевтина Сергеевна должна доскакать до квартиры и надежно спрятать коробку с компьютером.

Она не хотела, чтобы кто-либо из родственников знал, что она стала обладательницей моноблока последней модели. Она купила компьютер на деньги, полученные от сдачи в ломбард немецких серебряных ложечек, считавшихся семейной реликвией. Эти ложечки были трофеем, принесенным ее отцом с войны. Ими, понятное дело, никогда никто не пользовался. Они были слишком маленькие, чтобы ненароком не отправиться в мусорное ведро вместе с объедками, и слишком дорогими, чтобы предложить их даже самым дорогим гостям.

Алевтина Сергеевна отперла дверь и поволокла «Асус» на лоджию. Пристроила под окно рядом с ведром киснувшей капусты и выглянула вниз. В кармашке у винного магазина уже парковался дочкин белый джип. «Надо на нем красный крест нарисовать и мигалку поставить, — съязвила про себя Алевтина Сергеевна. — «Скорая» так быстро не приезжает, как моя встревоженная на голову Шурка».

Когда Александра открыла дверь своим ключом, Алевтина Сергеевна стояла перед ней, подперев руки в боки. Грудь Александры бурно вздымалась под расстегнутой курткой.

Свитер обтягивал два больших футбольных мяча, нависавших над разрезанным пополам поясом юбки обвисшим животом.

— Ну, вот она я! — с вызовом воскликнула Алевтина Сергеевна. — Живее всех живых!

— Мама, у тебя лицо красное! — отдуваясь, произнесла Александра. — Давай померим давление.

— А у тебя, думаешь, бледное? — взвилась Алевтина Сергеевна. — На седьмой этаж без лифта забраться! Себе померь.

— Можно мне все-таки войти? — кротко спросила Александра.

Алевтина Сергеевна отстранилась от двери.

— Ну, войди, — неохотно разрешила она. — Но давление я измерять не буду.

— Хорошо. Давай просто чаю поьем. Я печенье испекла, — Александра выставила вперед свою объемистую сумку. Алевтина оценивающе посмотрела на дочь.

— Печенье? Пеки-пеки. В твоём возрасте уже ни одно печенье назад добровольно не выйдет, все отложится в целлюлит.

— Хорошо, давай поьем чай без печенья.

— Лишняя вода тоже ни к чему. Ни тебе, ни мне.

— Ладно, давай просто посидим, поговорим.

— Ну, раздевайся, проходи, — смилостивилась Алевтина Сергеевна. — Сапоги вот тут, на газетке снимай. Кстати, знаешь, что я прочитала сегодня в «Московском комсомольце»?

Алевтина Сергеевна не глядя потянулась за мягким паке-тиком из-под молока, лежавшим на кованом столике рядом с телефоном, куда она складывала лучшие вырезки недели, чтобы передать их для прочтения наследникам. Но Александра перехватила ее руку.

— Мама, давай мы сегодня обойдемся без политики. Можно я в комнату пройду?

— Прходи, что, я не даю, что ли?

И Алевтина Сергеевна толчком открыла дверь в гостиную.

— О, боже мой, — не удержалась Александра, заглянув внутрь. — Ты ревизию решила устроить?

Алевтина Сергеевна поняла, что допустила грубую ошибку, проведя дочь в гостиную, а не на кухню. Поиски серебряных ложечек были долгими и мучительными. По ходу раско-

пок Алевтина Сергеевна нашла жемчужные бусы, которые, как она думала, втихую унес с собой изменник-муж, ненадеванный форменный клетчатый пиджак советской сборной времен Олимпиады-80, проданный ей по дружбе коллегой по институту, увесистую пепельницу, с боем отвоеванную в магазине «Фарфор — Хрусталь» в девяносто первом, когда все деньги обесценивались, и даже сработанные зэками шахматы, подаренные ее мужу на день рождения его коллегами, когда они кантовались в номерном военном городке в Сибири. Она с ужасом поняла, что не помнит и о половине хранимых богатств.

— Да, пришло время переучета, — нашлась Алевтина Сергеевна. — Так ты чего приехала?

— Забери из суда свое заявление, — попросила вдруг Александра.

— Так... А ты про него откуда знаешь? — Удивление Алевтины Сергеевны быстро переросло в гнев. — Кто посмел разглашать посторонним лицам факт и содержание моего обращения в судебные инстанции?!

— Это я посторонняя?! — Александра даже задохнулась от возмущения.

— С юридической точки зрения — да. Ты лицо, не вовлеченное в дело, а значит — посторонняя. Так кто же?

— Ответчики. Позвонили мне, говорят: «Александра, помогите нам, из-за заявления вашей мамы в суд заблокировали все счета нашего товарищества. Мы не можем оплатить ни электроэнергию, ни воду, ни вывоз мусора».

— Вру-у-ут, — убежденно сказала Алевтина Сергеевна. — Мое заявление тут ни при чем. Я еще даже у судьи на беседе не была. Шура, кому ты веришь? Это прожженные жулики и лжецы. Но ничего, я их выведу на чистую воду...

— Мама, что они тебе такого сделали?

— Украла мою часть общедолевой собственности, — без промедления ответила мать.

— Но они же предлагали тебе взять еще участок, ты отказалась, — напомнила Александра.

— На что мне еще участок? Я и свой обрабатывать не успеваю. И это было бы незаконно. Они меня вовлечь в свою преступную шайку хотели. Но я не купилась!

— Мам, ну ведь все пустые участки были распроданы давным-давно. Теперь-то ты чего добиваешься? — почти с отчаянием воскликнула Александра.

— Правды, — твердо заявила Алевтина Сергеевна. — Они должны признать, что они жулики и лжецы. Перед всем товариществом. И заплатить мне за дорогу, которую я построила. Пообещали при всем народе, а потом шиш показали. Я им это так не оставлю.

— У тебя есть договор об оказании услуг? — язвительно поинтересовалась Александра.

— Мы ж на собрании в протокол внесли...

— Суду этого мало.

— У меня есть свидетели! — взъярилась Алевтина Сергеевна.

— А ты уверена, что они будут свидетельствовать в твою пользу? Ничего у тебя не выйдет, — вынесла вердикт Александра.

— А это мы еще посмотрим, — пылко возразила Алевтина Сергеевна. — У тебя ко мне все? А то мне к управляющему идти надо. Не схожу — еще три дня пешком по лестнице маршировать будем.

По-детски шмыгнув носом, Александра схватила свою сумку и устремилась в прихожую. Пока она с пыхтением одевалась, Алевтина Сергеевна чуть не приплясывала. Ей не терпелось включить компьютер.

Сдвинув все барахло со стола, Алевтина Сергеевна водрузила на него компьютер, подключила клавиатуру и мышку, как ей показывали консультанты в магазине, и, немного поколебавшись, опасливо вставила вилку в розетку. Компьютер никак не прореагировал. Она протерла очки и раскрыла инструкцию на разделе «Включение». Ага, просто забыла нажать на кнопку! Нащупала кнопку на нижней грани под экраном. Экран озарился как-то очень неожиданно и с торжественным звуковым аккордом. «Добро пожаловать, Алевтина!» было написано на нем. «Откуда он мое имя знает?!»

Алевтина Сергеевна пролистала руководство до раздела «Знакомство с компьютером» и стала рассматривать рисунок «Вид спереди». Первым же номером значилась: веб-камера.

А вот говорила же соседка Зинка, что через эти камеры американские спецслужбы за нами шпионят! Компьютер ее, правда, китайский, но китайцам она тем более не доверяла. Алевтина Сергеевна принесла аптечку, отрезала кусочек пластыря, заклеила глазок камеры и вернулась к изучению вида спереди.

Под вторым номером значился... микрофон! Не увидеть — так подслушать! Алевтина Сергеевна полезла в свою сумочку, выудила оттуда жевательную резинку «Орбит», которую она держала на случай похода к зубному врачу, энергично пожевала подушечку, достала изо рта и приклеила жвачку горочкой на выход микрофона.

Перешла к разделу «Проводное подключение интернета». Достала коробочку с модемом. Можно было бы, конечно, провести интернет по проводу, но это значило бы впустить в квартиру неизвестных людей, к тому же, как правило, дурно пахнущих. Соседи по площадке после такой операции сквозняком проветривали квартиру в течение часа. Час открытых дверей Алевтину Сергеевну не устраивал. Пока она возилась с подключением модема, экран потух. «Все-таки бракованный!» — пришла к выводу Алевтина Сергеевна. Она с досадой отшвырнула мышку. Экран опять озарился бодрой надписью: «Добро пожаловать, Алевтина!»

— Здоровались уже! — огрызнулась хозяйка. Она снова углубилась в чтение инструкции. «Сконфигурируйте параметры для подключения к сети интернет». Что это значит? Алевтина Сергеевна взяла в руки мышку и стала целиться стрелкой в иконку «Десктоп». Стрелка двигалась как пьяная, никак не желая попадать на маленький квадратик. «Мышка точно бракованная!» — вздохнула Алевтина Сергеевна. И вдруг ей пришла в голову идея: «А может, камера должна видеть мышку?» Поколебавшись, она отлепила кусочек пластыря. Мышка задвигалась как-то побыстрее. Наконец она довела стрелку до иконки и щелкнула для верности всеми тремя пальцами, уместившимися на мышке. Но ничего не произошло. Она щелкнула еще раз. Иконка запрыгала как мячик. Алевтина Сергеевна испугалась, что сейчас может что-нибудь безвозвратно испортить, и отдернула руку от мышки. Иконка продолжала прыгать.

Она опять погрузилась в инструкцию. Про прыгающую иконку она ничего не нашла. Зато поняла, что давить нужно было только на левую сторону кнопки. Но эта информация находилась совсем в другом месте! И как исправить ситуацию, Алевтина Сергеевна не знала. Пока она листала инструкцию, экран опять потух. Алевтина Сергеевна швырнула инструкцию на клавиатуру. Экран зажегся. Она решила, что лучше всего отключить аппарат, пока она окончательно его не сломала. В разделе «Отключение компьютера» значилось: «Для нормального выключения нажмите в панели Charms, затем нажмите «Выключение». Где искать этот Charms, Алевтина Сергеевна не понимала.

Она просто выдернула вилку из розетки, вытерла выступивший на лбу пот и вздохнула. Алевтина Сергеевна осознала, что переоценила свои способности по самостоятельному освоению прибора. Компьютер был капризен и недружелюбен. И это его лицемерное «Добро пожаловать, Алевтина!» особенно злило.

Глава 4

Алевтина Сергеевна бродила по факультету вычислительной математики и кибернетики МГУ в поисках доски объявлений.

Проникнуть на факультет ей удалось не сразу. Охрана сообщила ей, что посторонних в здание не пускают. Алевтина Сергеевна честно призналась, что хотела бы посмотреть на студентов с факультета вычислительной математики с целью найти подходящего квартиранта. Ей сказали, что их можно разглядывать в вестибюле. То, что на входе и выходе они мешались со студентами экономфака, охранники во внимание принять не хотели. Алевтина Сергеевна провела разведку на местности, увидела на стенде объявление о компьютерных курсах для школьников, позвонила по телефону, сообщила, что хотела бы записать на курсы внука, попросила заказать пропуск и в итоге торжественно прошла мимо церберов с гордо поднятой головой. В ее сумочке было объявление, написанное от руки, и скотч, а за обшлагом пальто — английские

булавки на случай, если доска окажется обтянутой тканью. На листе в клетку Алевтина Сергеевна вывела: «Сдам комнату студенту-компьютерщику без вредных привычек, желатель- но отличнику. Бартерная оплата. За обучение компьютеру. Звонить по телефону строго с 10 до 10». Алевтина Сергеевна указала домашний телефон, а свои имя-отчество решила не писать, конспирация еще никому не вредила, да и кто в ее квартире может ответить на звонок кроме нее.

Наконец доска была найдена, объявление закреплено, и оставалось дойти до компьютерных курсов, чтобы поставить отметку на пропуске. Отыскав нужную аудиторию, Алевтина Сергеевна приоткрыла дверь и заглянула в щель. В аудитории сидел человек с телом хилого подростка и дремучей бородой, плавно переходившей во всклокоченную гриву. На носу си- дели тяжелые очки с толстыми стеклами. Он мельком взгля- нул на приоткрывшуюся дверь и вновь уставился в монитор, в который он, похоже, смотрел уже много лет без перерыва. Из-под стола торчали его ноги в истрепанных джинсах и гряз- ных кроссовках. «Такой квартирант мне не подойдет», — ре- шила Алевтина Сергеевна, раскрыла дверь пошире и смело вошла внутрь.

Бородач оторвал взгляд от экрана.

— Вы ко мне? — поинтересовался он у Алевтины Серге- евны.

— Еще не знаю, — ответила та. — Мне на курсы.

— Какого возраста ваш ребенок?

— А пенсионеров берете? — вопросом на вопрос ответи- ла Алевтина Сергеевна.

Бородач изучающе уставился на посетительницу.

— Вы лучше в районную библиотеку ходите, — предло- жил он после короткой паузы. — Пенсионерами библиотеки занимаются. Бесплатно, — добавил он.

Алевтина Сергеевна чуть не задохнулась от возмущения.

— Молодой человек! Вы меня с другими пенсионерами не равняйте! Мне интернет не для игрушек нужен, у меня дело серьезное, государственного значения...

— Тем более, — остановил ее тираду бородач. — Мы не заточены на людей государственного значения.

— Тоже мне, курсы называются, — проворчала Алевтина Сергеевна разочарованно. — Насажали тут недоучек. Двоечником, наверное, был, когда учился? — Алевтина Сергеевна не заметила, как перешла в разговоре на «ты».

Бородач на выпад не ответил.

— Я вам могу еще чем-то помочь? — поинтересовался он, глядя на нее с тем выражением лица, с каким смотрят на назойливую муху.

Алевтина Сергеевна протянула бородачу свой пропуск.

— Распишись в собственной беспомощности и печать поставь. А еще голову причеши и кроссовки помой. Как тебя только к школьникам подпускают, такого неряху?

Бородач молча расписался на листке и поставил лиловый оттиск.

— До свидания, — попрощался он бесстрастным голосом.

— До какого свидания? — не унималась Алевтина Сергеевна. — Надеюсь, я вижу тебя первый и последний раз.

— Тогда прощайте, — исправился бородач тем же голосом робота.

— Так-то лучше, — удовлетворилась Алевтина Сергеевна, вложила пропуск в паспорт, подхватила сумочку и вышла, энергично хлопнув дверью.

Тут зазвонил телефон. Шурка, неотвязная Шурка!

— Мама, поздравляю с днем рождения! — раздался из трубки бодрый голос.

— Шура, ты издеваешься? — с раздражением спросила Алевтина Сергеевна. — В моем возрасте день рождения — это повод для соболезнования.

— Хорошо, мы сегодня к тебе вечером приедем — посолезнуем, — объявила Александра.

— Не надо, — принялась отбиваться Алевтина Сергеевна.

— Мы все равно приедем, — твердо произнесла Александра.

Алевтина Сергеевна осознала, что в гостиной по-прежнему разложены вещи, а в холодильнике — шаром покати и сейчас уже два часа дня...

— Сразу предупреждаю, — сообщила она в трубку, — готовить я ничего не буду. Чаю попьем и разбежимся.

— Еду я с собой принесу, — успокоила ее Александра.

— И не вздумайте дарить мне подарков, — предупредила Алевтина Сергеевна. — Я уже не знаю, куда их складывать. Сама видела...

Продолжить мысль Алевтина Сергеевна не успела.

— До встречи! — бодро крикнула ей Александра. — Мы будем к восьми.

И отключилась.

Надо было бежать домой — перепрятать компьютер, но куда? На лоджию зять непременно выйдет покурить. Решила укрыть одеялом на кровати в спальне и навалить сверху одежды из гардероба. Надо же было забыть, что сегодня — день рождения. Впрочем, неудивительно.

Алевтина Сергеевна дни рождения не любила. Вообще. Когда она была маленькой, дни рождения еще никто не праздновал. По крайней мере, в их селе. А именины, после ареста батюшки Михаила, сноса колокольни и переделки церкви в клуб, уже никто не отмечал. И по святым имена уже не выбирали, а выбирали кому как захочется. Так мать рассказывала. А еще рассказывала, что надеялась на выкидыш после мобилизации мужа на фронт. Потому что уже двое детей на руках было. Парилась в бане до одури и поднимала тяжелую шайку с водой, надеясь, что выкинет. Но не выкинула. А в октябре родила ее, Алевтину. Крохотную, голубоглазую, с белыми волосиками. Потом закрылась в чулане, достала из-под половиц икону Богородицы и долго молилась, прося помощи себе и защиты мужу. Но не помогла ее молитва. Похоронку принесли уже по первому снегу. И молоко у нее пропало в тот же день. Хорошо еще, что корова доилась и можно было кормить коровьим, хоть жирность у него была высокая — и кричала Алька от боли в животе, и поносила поначалу. Зачем мать все это ей рассказывала? Зачем?!

Мстила она Альке за ее появление на свет, вот зачем. Потому что Алька всегда была непокорная. Делала все поперек. Мать называла ее дикáя. И с отчимом Алька не сошлась. Старшие Нюрка с Юркой сошлись, а она нет. Сосед Митрий без ноги с войны вернулся, а жена его в сорок третьем завербовалась на какой-то секретный завод, да и сгинула. Покуко-

вал Митрий, покуковал, да к соседке и пристроился. Огороды объединили. А дом Митрия сдавали учителям. И всем был хорош Митрий. Пил только сильно. А Алька пьяных на дух не переносила и все время с кулаками на Митрия кидалась. А тот напивался когда — добрый был до соплей. Веревки из него вить можно было. Мать, бывало, сама и подносила. А Алька с кулаками. Мать ее чилигой¹ — хлысь! И колко, и обидно. Алька к учителям в дом убегала. Туда мать с чилигой не совалась, перед учительками стыдно ей было. Алька иногда и ночевала там. Зачитается какой-нибудь книжкой и заснет...

Нет уже никого: ни матери, ни отчима, ни Юрки с Нюркой. Только могилки на старом кладбище. В последний раз ездила — едва нашла: эта самая чилига, которой ее мать лупцевала, кругом проросла — не подступиться. А была бы покорная — может, тоже уже ровненько лежала между ними. Нюрка с Юркой как взяли в подростках в руки вилы да лопаты, так с ними и срослись на всю жизнь, а жизнь их согнула и в земельку уложила. А Алька — нет. Альке мать мотыгу даст в руки — иди, картошку окучивай. А Алька мотыгу под лопухи, а сама через плетень шасть — и на речку или в лес. Принесет в корзинке ягод или раков в речке наловит — мать уже ругаться не может. Картошку потом Нюрка окучивала.

А когда Альке исполнилось четырнадцать — совсем от рук отбилась, мать ей стала не указ. Но училась хорошо. В отличие от Нюрки с Юркой. А потому отправили Альку после восьмилетки в город — в финансово-экономический техникум. Больше она уже в село не вернулась. Слала поздравительные открытки, благодарила за переданные с оказией продукты. И даже про свадьбу свою родственникам не сообщила. Понятно, не приехали бы, дорога-то — полдня пути, а в колхозе как раз посевная, но пригласить, по их мнению, Алька должна была. Но выходила она за без пяти минут офицера-ракетчика, и предложение он сделал скоропалительно — перед самой отправкой к месту службы. Да и не было свадьбы — расписались только и чаю попили. Но в село новость сорока на

¹ Чилига — колючий кустарник; разновидность желтой акации (прим. ред.).

хвосте принесла — и тут посевная не посевная, мать в город примчалась. Мужа одобрила, но обиделась на всю жизнь за такое самовольство. И умерла прямо в Алькин день рождения — насолила так насолила напоследок...

По пути из университета Алевтина Сергеевна зашла в магазин на углу, купила торт «Наполеон» полукилограммовый, один лимон и чай черный в пакетиках.

В десять минут девятого уже приплясывала у входной двери. В пятнадцать позвонила дочери и заявила, что, если их через пять минут не будет, она ляжет спать. Потому что устала. Через пять минут они прискакали. Александра внесла в квартиру сумку, распространявшую умопомрачительные запахи, зять Петр — букет бордовых роз, а внучка Маша — себя. Алевтина Сергеевна с удовлетворением осмотрела внучку: фигурка гимнастки — кажется, вот возьмет разбег и сделает сальто, светло-русые волосы — натуральные, а глаза как у бабушки — голубые, со смешливым прищуром. Но семейный комплект был не полным...

— Так, а Пашка где? — не дав открыть рта гостям, строго спросила Алевтина Сергеевна.

— Что, баб, уже соскучилась? — вопросом на вопрос парировала Машка. — Ты же его вчера видела.

— Мама, позволь мы войдем, — твердо сказала Александра.

— Заходите-заходите, — запоздало разрешила Алевтина. — Ты, Петя, напрасно так шикаешь, розы эти завтра повянут, а ты за них уйму денег отвалил.

— Меня всегда восхищает ваша экономность, Алевтина Сергеевна, — Петр протянул теще букет. Алевтина Сергеевна критически оглядела зятя — его неуместно официальный пиджак и тщательно уложенные волосы, взяла цветы в скрипучем целлофане и положила, не глядя, на кованный столик.

— Лучше бы ты мне розетку в маленькой комнате починил.

— Так Паша разве вам ее вчера не починил? — удивился Петр.

— Не починил, — разочарованно вздохнула Алевтина Сергеевна. — Руки у него не тем концом вставлены.

— Хорошо, давайте инструменты, — и Петр решительно снял ботинки.

— Нет, мы сначала бабу поздравим, — предложила Маша, встав в гимнастическую стойку перед зеркалом — грудь развернута, подбородок вверх, ноги в третьей позиции. Она поправила локоны и подкрасила губы.

— Чего губы-то красить? — не удержалась Алевтина Сергеевна. — Сейчас все равно всю помаду съешь.

Маша на бабушкин выпад не ответила, поддернула обтягивающие спортивные ягодицы джинсы, чмокнула себя в зеркало и повернулась к остальным.

— Да, давайте сначала поздравим, — поддержала Александра дочь. — А то пирожки остынут. Я сделала с ливером...

— С ливером я люблю, — одобрила Алевтина Сергеевна. — Мать жарила их в ноябре, когда свинью забивали. Мужики тушу еще опаливали и скоблили, а мать уже начинку из печенки готовила...

— Баба, прекрати, меня сейчас стошнит! — запротестовала Маша.

— Ой-ой, а что, думаешь, твои стейки на деревьях растут? — вскинулась Алевтина Сергеевна. — Их из коровы вырезают. Кстати, Шурка, а ты помнишь, что сегодня день памяти твоей бабушки?

— Помню. Я с утра в церковь заезжала, молебен за упокой заказала.

— Так, девочки, мы тут приехали за здравие выпить, давайте сменим тему, — предложил Петр.

Все согласились, засуетились, разложили еду по тарелкам, налили шампанского в старые фужеры с потертыми золотыми ободками, чокнулись, пожелали Алевтине здоровья и отлебнули по чуть-чуть.

— Ух, кислое какое, — сморщилась Алевтина Сергеевна.

— Настоящее. Брют, — коротко сообщил Петр.

— У моей матери квас был такого вкуса.

Александра сделала знак Петру, Петр полез в карман пиджака, вынул конверт.

— Мама, — волнуясь, торжественно начала Александра, но Алевтина Сергеевна ее перебила:

— Мне ваших денег не надо.

— Это не деньги. Это письмо от папы, — Александра протянула конверт матери.

— Какая прелесть! Что это он вдруг обо мне вспомнил? Писать научился? А я, видишь ли, разучилась читать, — она выхватила письмо из рук дочери и стала остервенело рвать конверт с содержимым. Потом поднялась, подошла к окну, встала на цыпочки, открыла форточку и выбросила клочки в окно. Ветер подхватил и завертел обрывки, несколько клочков занесло обратно в комнату, и они приземлились на ковер. Над столом повисло молчание.

— Ты чего, Маш, не ешь? — переключилась на внучку Алевтина Сергеевна. — Диету опять держишь?

— Я после шести ничего не ем, — пояснила Маша.

— Похвально. Вот бы братец твой к тебе присоединился.

— А он присоединился, — сообщила Маша. — Вчера, как только от тебя пришел.

— Мама, — вмешалась в диалог Александра, — признавайся, что ты вчера наговорила Павлику? Его трясло весь вечер. Даже от ужина отказался.

— Может, не будем сейчас устраивать разборки? — с безнадёжностью в голосе спросил Петр.

— Закормили вы Пашку. На бабу стал похож. Сиськи висят, задница торчит, — не вняв призыву зятя, высказалась Алевтина Сергеевна.

— Ты ему ЭТО вчера сказала?! — ахнула Александра.

— Зачем я буду ему это говорить? Он что, в зеркале себя не видел? Я ему подарила гантели, эспандер и пинцет. В процессе раскопок нашла, — пояснила Алевтина Сергеевна.

— А пинцет зачем? — заинтересовался Петр.

— Лишнюю растительность выщипать. Он со своей мочеровью на гориллу похож. Еще лет десять девственником останется, если не выщиплет.

Маша поперхнулась шампанским, у Александры выпала вилка из рук, и только Петр продолжал жевать голубец. На несколько секунд над столом воцарилась тишина.

— С чего ты взяла, что Павлик — девственник? — наконец тихо произнесла Александра.

— Я спросила, — объяснила ей мать. — Прямо. Внезапно. Без обиняков. Имел ли он сексуальный опыт. Он сказал, что нет.

— Ну и что, что нет? — заинтересовался Петр.

— А то, что ему скоро двадцать пять. Наше поколение к этому возрасту было все поголовно женатое. Ваше — уже и разведенное по первому кругу. А тут — неподнятая целина. Это ненормально, — завершила обзор бабушка.

— А задавать такие интимные вопросы внуку — это нормально? У него есть для этого папа и дедушка, — вспыхнула Александра.

— И что толку с папы и дедушки, если внук в двадцать пять — еще мальчик!

— Можно я уже пойду? — спросила разрешения Маша.

— Иди-иди, — разрешила бабушка. — Все равно не ешь.

Маша поднялась, подошла к бабушке, поцеловала ее в пучок на макушке и исчезла за дверью. Отец проводил ее завистливым взглядом.

— Дверь там захлопни! — прокричала вдогонку бабушка и развернулась к дочери с зятем: — Вот теперь мы с вами и поговорим! — С этими словами Алевтина Сергеевна протянула руку и достала с полки мягкий пакетик из-под молока, а из него — газетные вырезки.

Петр беспомощно застонал.

— Не надо стонать, Петя, вот когда посадят, тогда будешь стонать. А сейчас пока послушай.

— Алевтина Сергеевна... — начал было Петр, но теща не дала сбить себя с курса.

— Вот почитай это, — и она сунула зятю в руки статью из «Московского комсомольца».

Петр брезгливо взял вырезку двумя пальцами и наморщил веснушчатый нос.

— За последние два года за решетку отправили в два раза больше бизнесменов, чем до этого. Так что завязывай со своим предпринимательством, а то Шурка будет тебе в тюрьму передачи носить.

— Мама, как ты не понимаешь разницы? — вмешалась Александра. — Бизнес отжимают у тех, кто нефть качает или

водку производит. А Петя продает продукт своей интеллектуальной деятельности...

— Понимаю. Только напомни мне, куда он продает этот продукт. На Запад? Вот то-то. Обвинят в продаже стратегически важных технологий и упекут.

— Мам, ну смешно, — продолжала убеждать Александра. — У Пети есть официальное заключение, что его приборы для нашей страны не актуальны. В рамочке висит на стене у него в кабинете. На бланке и с подписью.

— Снимите немедленно! — заволновалась Алевтина Сергеевна. — Заверьте у нотариуса копию, и не одну, а оригинал положите в сейфовую ячейку в банке. Желательно швейцарском. А то потом возьмут за жабры компетентные органы, кинетесь — а документ-то тю-тю! Они же и выкрадут.

— Мама, хватит молоть чепуху! — вспыхнула Александра.

— Молоть чепуху?! — оскорбилась Алевтина Сергеевна. — Погоди, ты еще вспомнишь, что я говорила... Будешь сопли на кулак мотать...

— Мы, пожалуй, пойдем! — Александра положила приборы на тарелку и решительно встала. Петр засунул в рот капустный лист от голубца и немедленно вскочил, бросив вырезку на грязную тарелку.

— А как же розетка? — вспомнила вдруг Алевтина Сергеевна. — Петя обещал починить.

— Мам, если я еще пять минут здесь останусь, я тебя задушу, — вырвалось у Александры.

На этих словах все еще жевавший капустный лист Петр поперхнулся, покраснел, закашлялся и с ужасом посмотрел на жену.

Алевтину Сергеевну словно пригвоздило к стулу.

Дочь и зять, не глядя на именинницу, вышли в коридор, а она так и сидела за столом, неподвижная и немая. Слышала только, как возятся там, в коридоре, с пальто и обувью, как выключился свет и захлопнулась дверь.

Тогда она встала, думая, что нужно закрыть на ночь нижний замок, и, не включая свет в коридоре, на ощупь побрела к входной двери. Проходя мимо столика с телефоном, задела длинный целлофановый кулек с розами, букет свалился, Алев-

тина Сергеевна наступила на него и, поскользнувшись, потеряла равновесие. Пытаясь не упасть, она схватилась за край кованого столика. Одноногий столик накренился, ухнул, больно черкнув краем столешницы по бедру, и глухо ударился о ковровую дорожку. Алевтина Сергеевна со стоном осела на пол.

Глава 5

Домашний телефон, размещавшийся на кухне, издевался над Алевтиной Сергеевной. Он молчал, когда Алевтина Сергеевна возилась около плиты, но начинал звонить тогда, когда она укладывалась в горизонтальное положение. Вот так и сейчас. Пока Алевтина Сергеевна потихоньку вставала с кровати, морщась от боли в посиневшем бедре, телефон замолкал. Однако стоило ей улечься, телефон опять испускал настырную трель. Она знала, кто это. Потенциальный квартирант, который должен научить ее общаться с компьютером. Все остальные знали ее мобильный номер. А он-то, в отличие от домашнего телефона, молчал. Дочь перестала справляться о состоянии матери как раз в тот момент, когда это состояние не давало возможности выйти даже в магазин за хлебом. Пирожки Алевтина Сергеевна давно доела и торт тоже. На кухне под батареей лежала сетка проросшей картошки, с крючка за дверью свисали рваные колготки с репчатым луком, в холодильнике лежал кусок заветрившегося масла и стояла початая банка огурцов собственной засолки. И как насмешка над скудностью провианта, на столе, разметавшись во все стороны, торчали из трехлитровой банки зятьевы розы и не вяли уже неделю. Ни одна. Алевтина Сергеевна мстительно ждала, когда розы выпьют всю воду. Подливать свежую она не собиралась.

Надо было дойти до магазина, купить хлеба, молока и, наверное, курицу. Скрипя зубами, Алевтина Сергеевна медленно надела брюки, потом рубашку бывшего мужа, черную с серыми полосками, которую любила за нагрудные карманы с клапанами — она клала туда кошелек, чтобы не могли украсть незаметно. Справившись с одеждой, Алевтина Сергеевна, с трудом перегнувшись, натянула носки, увидела, что большой

палец тут же прорвал дырку, но менять не стала: кто увидит эти носки — не в поликлинику же она идет. Сунула ноги в короткие сапоги, молнии застегивать не стала, она их никогда не застегивала — оставляла возможность для вентилирования, а сегодня еще и по причине ограниченности в движениях. Сняла с вешалки серую нейлоновую куртку — привет китайскому бартеру девяностых годов. Сдернула с гвоздика ключи. Удостоверилась в наличии денег в нагрудном кармане рубашки и уже была готова выйти за дверь, как тут зазвонил телефон.

Забыв про больную ногу и не снимая сапог, Алевтина Сергеевна поспешила на кухню, подняла трубку и, борясь с волнением, выдавила:

— Я вас слушаю!

Квартирант! Она сразу поняла это по фразе: «Я по объявлению».

«Спокойно! — мысленно приказала самой себе Алевтина Сергеевна. — Не надо терять головы».

— Так, и на каком курсе ты учишься? — намеренно жестко спросила она. На другом конце провода возникла пауза. Алевтина Сергеевна побоялась, что их рассоединили, задула в трубку и закричала: — Алло!

Из трубки послышался растерянный голос:

— Ни на каком. Я уже закончил. Преподаю.

У Алевтины Сергеевны сердце чуть не выпрыгнуло от радости. Преподаватель! На такое везение она даже не рассчитывала. Ей стало неловко, что она вот так с бухты-барахты наехала на незнакомого взрослого человека.

— И сколько же вам лет? — тут же перешла на «вы» Алевтина Сергеевна.

— Тридцать два, — ответила трубка.

— И что же, до сих пор не женаты?

— Нет.

Тут у Алевтины Сергеевны возник целый ворох подозрений.

— Почему? — строго спросила она.

— Условий нет пока, чтобы жениться, — ответили после небольшой паузы на том конце провода.

— А, но имейте в виду, что женщин в дом таскать я не позволю, — предупредила Алевтина Сергеевна.

— Да нет, ну что вы...

Подозрения усилились.

— Но, я надеюсь, вы не из этих... Ну этих... — Алевтина Сергеевна замялась.

— Нет-нет, не думайте. Не из этих. Совсем нет. Просто я сейчас в таком положении, что не до женщин.

— Диссертацию пишете? — осенило Алевтину Сергеевну.

— Ну, в общем, да, некоторым образом.

— Но на мое обучение у вас время будет? — решила уточнить Алевтина Сергеевна. — Мне ведь нужно каждый день. Я уже старая и обучаюсь тяжело.

Мужчина в трубке замялся.

— Каждый день? Ну ладно, — согласился он на условие Алевтины Сергеевны.

— Вот и хорошо. Когда я могу посмотреть на вас живьем?

— Да хоть сегодня, — с готовностью предложил мужчина. — У меня как раз трехчасовой перерыв в занятиях.

И Алевтина Сергеевна продиктовала свой адрес. Положив трубку, она выскочила из сапог, сбросила куртку и устремилась в маленькую комнату рядом со входом. Комната эта когда-то была детской, и в ней жила Шурка, а потом в ней ночевали внуки, когда их оставляли у бабушки, а когда внуки выросли и перестали здесь ночевать, Алевтина Сергеевна снесла сюда старые подшивки журналов, грампластинки, пустые банки и еще кучу всего. И теперь все это барахло нужно было куда-то перепихать. Главное — расчистить письменный стол и шкаф. В шкафу висели старые вещи Шурки, которые Алевтина Сергеевна несколько раз пыталась навязать Машке, уверяя, что винтаж сегодня остромодеен, но та не брала. Засунула все содержимое шкафа, не глядя, в мусорные мешки, вынесла их на лестничную клетку. Остальное временно запихала под кровать.

Звонок раздался как раз в тот момент, когда Алевтина Сергеевна выполаскивала в ванной тряпку. Она рванула к двери, прихрамывая на больную ногу, вслепую поправляя пучок на затылке. Громко выдохнула и посмотрела в зеркало. Увидела бородатое лицо. «Хорошо, что с бородой, — пронеслось в ее голове. — Бриться не надо. Меньше ванную занимать будет

по утрам». Отметила, что ее рука, открывающая замок, трясется. «Боже, как на первом свидании», — подумала Алевтина Сергеевна, распахнула дверь и вздрогнула. Перед ней стоял тот самый бородастый задохлик, который в день ее рождения отказался записать ее на компьютерные курсы. Задохлик тут же узнал ее, отшатнулся и побагровел до ушей. Алевтина Сергеевна приосанилась, распахнула дверь пошире и сказала:

— Ну, проходи! — Было видно, что задохлик борется с соблазном дать деру. — Давай-давай, проходи! — повторила Алевтина Сергеевна и взмахнула рукой, как регулировщик на перекрестке.

Задохлик шагнул внутрь с таким видом, как некоторые шагают в люк самолета, совершая первый прыжок с парашютом.

— Я по объявлению... — забормотал он.

— Да поняла я, — прервала его Алевтина Сергеевна. — Разувайся вот тут на газетке. Кроссовки так и не помыл, я смотрю. А еще диссертацию пишет. Вот комната, — указала она на результат своей скоростной чистки. — Стол, кровать, шкаф, все есть. Устроит?

Задохлик посмотрел на обои в мелкую розочку, на румынский туалетный столик на гнутых ножках, приспособленный под письменный, на кровать с продавленной сеткой под пикейным покрывалом, на себя в овальном зеркале с перламутровой рамой и сказал:

— Устроит. А я правильно понял, — решил уточнить он, — что вы бесплатно сдаете?

— Не бесплатно! А за компьютерные уроки! Ну и, понятно, свет и воду пополам, — пояснила Алевтина Сергеевна.

— Согласен. А кухней можно будет пользоваться? — заинтересовался задохлик.

— Ну а как же без кухни? — удивилась Алевтина Сергеевна. — Без кухни ты совсем в доходягу превратишься. Газ тоже пополам. И интернет, конечно. Зовут-то тебя как? — Алевтина Сергеевна вдруг почувствовала жалость к этому бедолаге. Что он — бедолага, она уже не сомневалась.

— Антон, — ответил задохлик.

— А я — Алевтина Сергеевна, — представилась она. — Паспорт-то у тебя с собой?

Антон суетливо полез во внутренний карман куртки, достал паспорт и протянул его хозяйке.

— Антон Андреевич Котов, — прочитала вслух Алевтина Сергеевна и стала листать страницы в поисках прописки и регистрации. — Так, был прописан в Красногорске, выписан... А чего выписан?

— Квартиру пришлось продать, — не поднимая глаз, буркнул Антон.

— Ах вон что. Теперь, значит, бомж, — поставила диагноз Алевтина Сергеевна.

— Нет, почему бомж, — стал оправдываться Антон. — Я вложился в котлован. Через два года будет квартира.

— Ну, два года-то я тебя держать не буду. Я вообще рассчитывала до лета компьютеру научиться, — раскрыла карты Алевтина Сергеевна и вернула паспорт.

— А мне как раз до лета бы перекантоваться. Там, думаю, все выровняется — и летом в общежитии дешево снять комнату можно. Мне до лета самое то, — сказал Антон и посмотрел Алевтине Сергеевне в глаза.

И взгляд этот был как у бездомного щенка, которого она в детстве прятала за сараями и кормила скудными обедками со стола. Что-то дрогнуло у Алевтины Сергеевны внутри, где-то между горлом и сердцем, она слотнула и хрипло сказала:

— Значит, договорились. Вечером можешь привозить вещи. Да, вот еще что... прежде чем уйдешь, помоги снести все, что у лифта навалено, на помойку. А то у меня нога болит.

На этих словах Антон явно повеселел, расслабился, быстро влез в свои грязные кроссовки, пообещав, что к вечеру их помоеет. Они вышли из дома вместе, Антон двинулся в сторону помойки, а Алевтина Сергеевна похромала в магазин, решив, что непременно нужно купить курицу, сварить суп и накормить задохлика.

Глава 6

Алевтина Сергеевна была вне себя. Настолько вне, что мышка прыгала по экрану, не попадая на нужную иконку. Мозги кипели, глаза слезились, а душу ранило осознание полного

своего ничтожества. Антон сидел рядом, волосы у него вздыбились, борода всклокочилась, очки помутнели, а он сам весь вспотел. Антон учил Алевтину Сергеевну выходить в интернет.

— Давайте пройдем сначала, — предложил Антон. — Что мы делаем сначала?

— Будим экран, — заглянув в гроссбух, сказала Алевтина Сергеевна.

— Будите.

Алевтина Сергеевна потянулась к кнопке выключения. Антон перехватил ее руку.

— Алевтина Сергеевна, компьютер включен. Вам нужно просто разбудить экран. Как вы это делаете?

— Мышкой? Кнопкой «энтер»? — силилась вспомнить правильный вариант Алевтина Сергеевна.

— Да чем хотите, — милостиво разрешил Антон.

— Ну вот, что за глупости! — Алевтина Сергеевна хлопнула мышкой по столу. — Почему нельзя было оставить только один способ будить экран?!

— Но вы ведь тоже меня по-разному будите. То стучите в дверь, то...

— Ладно, не разглагольствуй, — прервала нотацию Алевтина Сергеевна. — Уже разбудила.

— А дальше мы что делаем? — Антон говорил с ней как с маленьким ребенком, и Алевтину Сергеевну это злило.

— Кликаем на вай-фай, — ответила Алевтина Сергеевна нарочито детским голосом.

— Если вы кликнете на вай-фай, он отключится — и не будет у вас соединения с интернетом, — засмеялся Антон.

— Ой, я вай-фай с браузером перепутала, — вздохнула Алевтина Сергеевна. — Кликаем на браузер. Почему нельзя было все назвать по-нашему?! — взорвалась она.

— Давайте назовем вай-фай веером, а браузер — дверью, — миролюбиво предложил Антон. — Стучимся в дверь.

Алевтина Сергеевна с силой кликнула мышкой.

— Заклинило дверь, — процедила она сквозь зубы. — Не открывается.

— Нет, вы просто на правый бок мышки давите, а нужно на левый, — объяснил Антон.

— Я давлю на оба. На всякий случай.

Алевтине Сергеевне хотелось вообще раздавить эту чертову мышку.

— На оба не надо, — Антон с усилием оторвал средний палец Алевтины Сергеевны от пластикового устройства. — Давите на левый. Ну вот и все, видите — сверху появилась поисковая строка. Забывайте туда, что хотите найти.

Алевтина Сергеевна выдохнула. Настроение ее тут же улучшилось. Она погладила мышку.

— Давай сходим на сайт районного суда и посмотрим движение по моему делу, — заговорщически предложила Алевтина Сергеевна.

— Хорошо, — согласился Антон. — Набирайте на клавиатуре название суда.

— Давай ты набери, — скомандовала Алевтина Сергеевна. — Тут столько кнопок — у меня глаза разбегаются.

— Мне уже некогда, — признался Антон. — Так что вы уж сами.

— Ладно, — согласилась с планом Алевтина Сергеевна. — Помойся перед выходом.

— Не успею, — отмахнулся Антон.

— Тебя что, мама гигиене не учила? — язвительно спросила Алевтина Сергеевна.

Антон вздрогнул, словно его неожиданно ударили.

— Она рано умерла, — тихо ответил он, не глядя на Алевтину Сергеевну.

Алевтина Сергеевна дернула рукой, и мышка упала на пол. Антон наклонился, поднял пластмассовую коробочку и положил ее на стол.

— Не повезло, — глухо сказала Алевтина, глядя в экран. — Но майку все же смени. И попшикайся! А то несет, как от взмыленной лошади.

— Да вы кого угодно загоняете, — парировал Антон и вышел из комнаты.

Алевтина Сергеевна вздохнула и притянула к себе клавиатуру. Строка поиска куда-то съехала. На экране были совсем другие иконки. По центру торчала заставка: «Мир вокруг нас прекрасен и удивителен, но большинство людей этого не за-

мечает», а ниже — иконка «Продолжить». Алевтина Сергеевна не удержалась и кликнула на «Продолжить». Заставка исчезла, а иконки стали яркими. «Антибиотики при геморрое», «Когда поливать кипятком кустарники», «Кофейный торт на скорую руку», «Стоит ли ожидать падения американской валюты», «Знакомства для пожилых людей бесплатно» — Алевтина Сергеевна поняла, что ее интересует все это прекрасное и удивительное, кроме кофейного торта — к выпечке ее душа не лежала.

Стрелка оказалась на «Знакомствах», Алевтина Сергеевна нажала на мышку, и на экран выплыла заставка. Надпись утверждала, что на этом сайте зарегистрировано тридцать миллионов пользователей и тринадцать тысяч знакомятся прямо сейчас! Как человек трезво мыслящий и к тому же экономист по специальности, Алевтина Сергеевна понимала, что эти цифры врут. Что в стране всего тридцать миллионов пенсионеров и не все же они на этом сайте. Но было любопытно посмотреть на тех, кто на сайте есть. Однако, не заполнив анкету, сделать это было невозможно. Алевтина Сергеевна несколько секунд колебалась, потом начала вбивать данные. Имя решила написать короткое: Аля. Свое полное имя Алевтине Сергеевне никогда не нравилось. Какой-то лев в тине. Полная белиберда. Возраст. Ей, конечно, никто не дает ее семидесяти трех, но врать она не будет. Семьдесят три.

Телосложение. Не худая, не полная, не костлявая, не пампушка. Значит: обычное. Рост: сто шестьдесят раньше был, давно не мерила. Пусть будет сто шестьдесят. Вес. Нормальный вес. Килограммов шестьдесят пять от силы. Летом меньше. Шестьдесят пять. Волосы на голове. Хорошее уточнение: на голове. Седые. Может, покрасить? В молодости была блондинкой. Потом красилась в рыжий. Потом перестала. Может, намешать хны с басмой и покраситься? Глаза будут смотреться ярче. Да, надо это сделать. Чтобы в суде не выглядеть совсем старухой. Решено: рыжий. Цвет глаз: серо-голубые.

Режим дня: жаворонок или сова? Жаворонок, конечно.

Соционический тип. Про такое она никогда раньше не слышала. Штирлиц, Гамлет, Достоевский ей не подходили. Горький, Драйзер и Дюма — тем более. Алевтина открыла

описание Жукова: сенсорно-логический экстраверт. «Сила, власть, целеустремленность, упорство и настойчивость — основные программные ценности представителей этого типа» — да, это про нее. «Очень боится быть зависимым. Зависимость для него — показатель слабости» — ну да, именно, а вот Шурка этого не понимает. «Свою точку зрения он будет навязывать и доказывать наперекор общему мнению, используя для этого все допустимые и недопустимые формы ведения спора, ищет не истины — ищет победы». Ну, тут, пожалуй, она с Жуковым расходится, ей все-таки важнее истина, другое дело, что по жизни истина всегда была на ее стороне. «При своей внешней прямолинейности способен проявлять чудеса приспособляемости». Нет, это точно не про нее. Хотя, впрочем... Приспособилась же она в девяностые к новой эпохе. Да, главбухом быть отказалась, много тогда главбухов сажали и убивали, а ей жить хотелось больше, чем жить хорошо. А когда перестали платить зарплату и стало совсем голодно — пошла торговать, но чем? Книгами. В общем, она — Жуков!

Образование: высшее, конечно. Знание языков: русский.

Тип внешности. Славянский.

Профессия. Да какая профессия у пенсионерки с большим стажем? То, что знала, устарело, что не устарело — забыла.

Материальное положение: ежемесячная подачка от государства — вот ее положение. Адвоката нанять не на что. Есть кое-какие накопления на срочном вкладе, но об этом она писать-то не будет. То есть материальное положение скромное. Проживание: одна в трехкомнатной квартире. Муж еще прописан. Но главный квартиросъемщик — она! В этой графе лучше быть осторожной, и Алевтина Сергеевна написала: «В жилплощади не нуждаюсь». Дети. Выросли. Дальше шла графа «О себе». Да вроде бы все о себе сказала. Даже слишком.

Еще требовалось прикрепить фотографию. Свежих снимков у нее не было. Тем более — в цифре. И в любом случае — сначала нужно покрасить волосы. И одежду какую-нибудь нарядную для фото найти. Платье у нее где-то было красивое, серо-голубое, в цвет глаз, надо отыскать. А пока пойдет и без фото. Она же на свидание не собирается. Просто любопытно

почитать, что люди о себе пишут, есть ли там мужчины или одни бабки себя предлагают.

Дальше шел раздел «Сексуальные предпочтения». Ориентация! «Правильная» — написала Алевтина Сергеевна. «Как часто вы хотели бы заниматься сексом?» Алевтина Сергеевна проверила название сайта. Сайт назывался «Знакомства для пожилых». Однако! Она не помнила, когда последний раз занималась сексом. Года за три до того, как ушел Лева, наверное. В общем: больше трех пятилеток назад. Теперь это было бы даже страшно. Она с трудом терпит гинекологический осмотр раз в год. «Секс не важен», — сформулировала она отсутствие потребности.

«Размер груди». У нее средний. И в хорошем состоянии. Не то что у некоторых в ее возрасте — сиськи висят, как уши у кролика. Но это уже перебор. А что же, у мужчин, значит, должны спросить размер члена.

Алевтина Сергеевна осознала, что у нее горят щеки. И уши. И пальцы подрагивают. Но она уже легко справляется с клавиатурой. И больше не воспринимает компьютер как злобного недруга. Значит, сегодняшний урок прошел успешно. А на сайт суда она ходит вечером, вместе с Антоном. Теперь нужно было замести следы. Она отправила анкету и закрыла сайт. Дальше можно было почитать про перспективу падения американской валюты, но Алевтина Сергеевна вдруг испытала потребность сейчас же найти свое нарядное серо-голубое платье...

Платье висело в дальнем углу шифоньера под мужниной шинелью. Да, в последний раз они выходили вместе, шинель и платье, в Большой театр. Перед Новым годом. Перед самой отставкой мужа. Давали «Щелкунчика». Приехали заранее. Купили в буфете бутерброды с красной икрой, шампанское и плитку шоколада «Вдохновение». Бутерброды и шампанское употребили сразу, а шоколад она взяла с собой. Алевтина Сергеевна помнила, как с почти детским волнением следила за поединком Щелкунчика и Мышиного короля, и жаждала победы добра над злом. Она всю жизнь жаждала этой победы... А после спектакля они слевой шли пешком по улице Горького и грызли окаменевшее на морозе «Вдохновение», закусывая падающими снежинками.. Наверное, у них слевой

все же была любовь. Просто командиром в их паре была она, Аля. А Лева тоже хотелось побыть главным, вот он и ушел к Кате. Оставив шинель. И китель. И ружье. И даже исподнее. И Алевтина Сергеевна все это до сих пор хранит. И не отпускает его. Как глупо. По-детски. Надо собрать все его барахло и передать через Шурку.

Алевтина Сергеевна попыталась натянуть на себя платье. Оно поддавалось с трудом. Молния на боку расходилась пирожком. Пуговицы на груди застегиваться тоже не хотели, но Алевтина Сергеевна была настойчива. Если хорошо выдохнуть и не дышать несколько секунд — для позирования этого достаточно. Однако тогда грудь выглядит меньше. И ей все равно нужно новое платье. Или костюм. Для походов в суд. Чтобы там ее не принимали за нищевродку.

Снимать платье оказалось еще труднее, чем надевать. Она чуть не вывернула плечо и в итоге все-таки порвала рукав под мышкой. Вешать платье обратно не стала, бросила в мешок со старыми простынями и дырявыми полотенцами, которые шли на тряпки. Алевтина Сергеевна снова облачилась в просторную рубашку с брюками и сунула руку под шифоньер, извлекла из-под днища завязанный в узелок клетчатый носовой платок. В платке у нее хранились обручальное кольцо и золотой перстень. Обручальное кольцо было толстое, похожее на бочонок. А перстень, большой, массивный, с рубином, Лева подарил на серебряную свадьбу. Алевтина Сергеевна была в шоке. Такие «шайбы» носили тогда директора продуктовых магазинов. Алевтина Сергеевна стеснялась его надевать — не торговка же она. Завтра сдаст золото в ломбард на лом. На адвоката этого, конечно, мало, но на обновление гардероба должно хватить.

Глава 7

Александра решила не предупреждать мать о своем приходе. Поэтому она приехала под вечер и открыла дверь своим ключом.

В квартире стояла темнота, что было нормально — Алевтина Сергеевна сэкономила электроэнергию, но телевизор мол-

чал, что оказалось весьма необычным. Из-под двери бывшей детской пробивался луч света.

— Мама, это я! — предупредила Александра, но ответа не услышала. — Мама?

Тишина. Сердце у Александры заухало, ноги подкосились, она бросилась к двери в детскую и распахнула ее настежь. В комнате сидел какой-то бородатый парень в наушниках и пристально смотрел в экран одного из трех мониторов, едва уместающихся на поверхности небольшого стола.

— Вы кто?! — в ужасе закричала Александра.

Парень вздрогнул, оторвался от экрана и уставился на нее, открыв рот и не моргая. Через несколько секунд стряхнул с себя оцепенение и ответил:

— Я — квартирант. А вы, наверное, дочь Алевтины Сергеевны? Она еще не вернулась. Вы подождите ее на кухне. Я сейчас очень занят, простите.

Он снял наушники, торопливо поднялся, взял Александру за локоть, вывел из комнаты и закрыл дверь изнутри на ключ.

Александра почувствовала, как в ней клокочет ярость. По поводу квартиранта. По поводу ключа. По поводу того, что ее бесцеремонно выставили из ее же комнаты... Спокойно. Надо продышаться. Продышаться, а иначе это плохо закончится. Для ее здоровья и вообще. Сегодня она никак не могла позволить разразиться очередной склоке.

Александра торкнулась в спальню, потом в гостиную. Двери были заперты. Ничего не оставалось, кроме как идти на кухню. Александру подмывало позвонить матери и узнать, где она. Не случилось ли с ней чего. Но тогда вся внезапность ее прихода — коту под хвост. Тогда мать, если, конечно, с ней ничего не стряслось, придет домой в состоянии боевой готовности. А Александре она была нужна максимально расслабленной. Оставалось только ждать. Александра налила в чайник воды. Долго искала спички — зажечь плиту, но коробки нигде не было. Зато за трубу над горелками была заткнута специальная зажигалка — оранжевая с длинным черным хоботком. Александра усмехнулась. Раньше мать признавала только спички.

В прикрытой крышккой сковороде обнаружили котлеты. Явно домашние. Вряд ли их состряпал квартирант. Котлеты!

Может, мать еще и кухонный комбайн освоила? Невероятно. Александре очень захотелось попробовать котлеты. Но она себя пересилила. Скорее бы мать пришла. И куда вообще она могла уйти так надолго?

Услышав, как открывается входная дверь, Александра собрала на лице приветливое выражение и вышла в коридор. На пороге стояла мать с большими пакетами в обеих руках. Усталая, но явно довольная. Александра внутренне выдохнула. Теперь главное — не дать матери опомниться.

— Шурка? Ты? — мать явно была удивлена. — Случилось что?

— Мама, я пришла мириться, — торопливо проговорила Александра.

Мать рассеянно посмотрела на дочь, на закрытую дверь бывшей детской, на пакеты в своих руках и наигранно удивилась:

— А что, мы поссорились? Я что-то не заметила. Когда же мы успели?

— На твой день рождения, мама, — напомнила Александра, думая про себя об одном — только бы не сорваться.

— Да? Не помню, — фальшивым голосом произнесла Алевтина Сергеевна, вешая пакеты на крючок, а сверху прикрывая их курткой. — Розы Петины, кстати, до сих пор живые, корни пустили, представляешь? Я им головки пообрезала и в гостиную на окно поставила, там света больше.

— Ну вот, — заулыбалась Александра. — А ты говорила, что завянут тут же. Покажешь?

— А чего на них смотреть? — вдруг заволновалась мать. — Розы как розы. Без головок.

Она стянула с себя берет и принялась им обмахиваться. Александра остолбенела. На голове матери дыбились ярко-рыжие кучеряшки.

— Мама, что с твоей головой?

— А что с ней? — мать ощупала голову. — А, стрижка. Волосы стали выпадать, я решила хной полечить, а чтобы много хны не расходовать, подстриглась.

— И химию сделала, да?

— Нет, это у меня натурально так, — уверила мать, — ты просто не помнишь, ты меня всегда с пучком видела потому

что. Как тебе? — она провела рукой по волосам, приглаживая их, и посмотрелась в зеркало у вешалки.

— Непривычно, — оценила Александра. — Смело, — добавила она. — А что это за запах у тебя в квартире? У тебя не протечка, случайно? Ты соседей не залила?

— Никого я не залила, Шура. Я квартиранта себе завела, — в голосе матери Александра услышала вызов.

— Видела я это чучело дремучее, — понизив голос, призналась она. — Где ты только его откопала? Вывел меня из моей же комнаты и дверь на замок закрыл...

— Занят, значит, — мать перешла на шепот. — Он преподаватель. Из МГУ. Диссертацию пишет.

Александра отчего-то почувствовала себя виноватой за этот запах в квартире.

— Мама, я же предлагала тебе деньги, — тоже шепотом напомнила она.

— Не в деньгах дело, Шура.

— Тогда в чем?

— Скучно мне стало. Словом перемолвиться не с кем.

Александра поняла — это мать отомстила ей за недельное молчание. Она решила объяснить.

— Я, мама, тоже живой человек. И терпение у меня не бесконечное. И когда ты начала каркать, что Петю посадят...

— Я не каркала, я предупреждала, — уточнила мать. — Не хотите — не слушайте. Закрыли тему. Да, кстати, я тут вещи отца собрала, свези ему, — и Алевтина Сергеевна указала на две клетчатые сумки, стоящие прямо у порога.

Александра горько засмеялась:

— Поздновато ты спохватилась, мама...

— Ну, если они не нужны, я тогда их пойду выброшу, — и мать зачем-то взялась за ручки сумок, как будто дело не терпело отлагательств.

Александра перехватила руки матери и крепко сжала их.

— Оставь сумки, мама. Пойдем в комнату, поговорим.

— Давай лучше на кухню, — засуетилась Алевтина Сергеевна. — Я тебя котлетами угощу. Сама готовила.

— Пойдем, — согласилась Александра.

Они зашли на кухню, Александра закрыла за собой дверь, подперла спиной косяк и не сказала — выдохнула:

— Катя умерла.

Мать рухнула на табуретку. Повисла пауза.

— Когда? — сухо спросила Алевтина Сергеевна после некоторого молчания.

— Сразу после твоего дня рождения. Ночью. Она долго болела. Осложнение на фоне диабета.

— А нечего было выпечкой злоупотреблять, — зло сказала мать. — Вот я тебе и говорю: хватит печь!

— Мама, тебе придется выселить квартиранта, — объявила Александра.

— А квартирант тут при чем? — мать явно не хотела построить логическую цепочку.

— В моей комнате теперь будет жить папа.

Алевтина Сергеевна приподнялась с табурета и сунула под нос дочери кукиш. Лицо ее заострилось и стало похоже на крысиную мордочку.

Александру передернуло. Она с трудом подавила желание ударить мать по руке.

— Другого выхода нет, — твердо сказала она, отстраняясь от жеста.

— Что, выселяют нахлебника из генеральских хором? — догадалась Алевтина Сергеевна.

— Там теперь будет жить Катина внучка с семьей, — старательно бесстрастным голосом произнесла Александра.

— А что же ты к себе не заберешь любимого папочку?! — вскинулась мать.

— У меня в квартире нет свободной комнаты.

— Зато какой у тебя домина за городом — только в прятки играть.

Александра отлепилась от косяка, села на табурет и посмотрела матери в глаза.

— Папе за городом жить нельзя. У него — сердце. Туда, если что, «Скорая» не доедет.

Мать надвинулась на Александру, будто собираясь боднуть ее головой в грудь. От ее кудряшек пахло дешевым лаком для волос.

— И с каких пор у него вдруг сердце? От меня уходил здоровый как лось. Что там Катя с мужиками делала? Одного до инсульта, второго до сердца довела.

— Мама, как у тебя язык поворачивается... так о покойнице... — ужаснулась Александра.

— Слава богу, поворачивается. Тьфу-тьфу, — мать символически поплевала через левое плечо. — И все остальное пока поворачивается. А ты мне теперь хочешь своим папенькой руки-ноги повязать. Когда он уходил, он о будущем не думал. Со мной бы здоровым остался. Я бы ему расслабляться не дала.

Александра не сдавалась. Она еще надеялась.

— Но ты же еще недавно хотела его видеть, — напомнила она.

— А теперь — не хочу!

— Это из-за квартиранта? — подозрительно спросила Александра.

Мать энергично замотала головой:

— Антоша тут ни при чем. Он тут временно. А камень на шею себе я повесить не дам. Это ты больных любишь больше, чем здоровых. А я — нет! Ясно? Так что ищите другие варианты размещения!

И Алевтина Сергеевна решительно поднялась с табурета и открыла дверь в коридор. Александра пошла на выход. Ее колотило. Она с трудом попала в рукава пальто. Перед тем как выйти из квартиры, развернулась и посмотрела на мать. Та стояла в своей излюбленной стойке — руки в боки. Александра сглотнула и дрожащим от слез голосом проговорила:

— Я одного не понимаю: за что мне судьба дала такую мать.

— Видно, есть за что, — моментально отразила удар Алевтина Сергеевна.

Глава 8

Алевтина Сергеевна уже второй час сидела перед кабинетом судьи, ожидая вызова. Мимо нее туда-сюда шмыгали размалеванные секретарши с кукольными ресницами, шуршали на ходу бумажками какие-то шустрые мужички с разбухшими

портфелями в съехавших на сторону галстуках — наверное, адвокаты. Временами проскальзывали хорошо проутюженные бесстрастные лица, от которых за версту разило богатством и уверенностью в себе. А ее все не вызывали. Она попробовала было по своей всегдашней привычке проникнуть в помещение без стука, но судья — блондинка с сильно отросшими седыми корнями — строгим грудным голосом велела ей закрыть дверь с той стороны.

Вообще-то Алевтина Сергеевна на такую длительную отсидку не рассчитывала. Она решила в этот день совместить судью с инспекцией своего дачного подвала, который уже третью неделю сушил после диверсии хохол Костя, круглогодично обитавший в их поселке. Точная в расчетах Алевтина Сергеевна в девять сорок была уже в тамбуре суда. Старший охранник Николай, которого она три недели назад снабдила малиной, ее не узнал. А когда взглянул в паспорт и понял, кто перед ним, — потерял дар речи и все хлопал себя по ляжкам и повторял: «Бляха-муха, что за молодуха», чем вогнал ее в краску.

Алевтина Сергеевна поставила себе жирный плюс — эта искренняя «бляха-муха» компенсировала все хлопоты и затраты при покупке одежды. На двадцать тысяч, вырученных за золотой лом, она смогла приобрести себе полную амуницию: платье, жакет, пальто, сапоги и шарфик. А ведь было уже отчаялась, глядя на цены в бутиках. Спасибо, уборщица на этаже подсказала — вы, говорит, не с той стороны вошли, вам надо с противоположного края и по центру на второй этаж, в «Маркс и Энгельс», я, говорит, там на свою зарплату с головы до ног оделась. И как раз скидки. Не обманула. Только с названием магазина немного напутала. «Маркс и Спенсер» магазин назывался.

И размер ее нашелся, и рост. Купила все в черном цвете, чтобы удобнее сочетать, только вот жакет в голубую полоску и шарфик пестрый. Но на сумку не хватило. Однако в шифоньере нашлась большая лаковая, тоже черная, правда, она была с трещиной на одной стороне, но это мелочи, другая же сторона — целая, только уголок обмахрился.

Вчера у нее была фотосессия. Алевтина Сергеевна надела все обновки, включая полусапожки. Антон принес в го-

стиную свою настольную лампу и ночник, пододвинул торшер, усадил ее в кресло и долго переставлял осветительные приборы, пока не достиг желаемого эффекта. Алевтине было жарко, но она терпела. Нет, не просто терпела, а млела от удовольствия, хотя выражение на лице держала строгое и скучное — ей было как-то неловко за все эти манипуляции. Фотографировалась она якобы на портрет для электронной почты, но как бы внезапно к ней пришла мысль сделать и в полный рост. Антон сделал сто фоток, не меньше. Потом до полуночи они выбирали лучшие.

«Вот еще немного здесь посижу и совсем головой тронусь, — поймала себя на мысли Алевтина Сергеевна. — Скорее бы вызывали». Она в сотый раз принялась репетировать будущий диалог с судьей.

К двенадцати часам пополудни ее праведный пыл угас и уступил место горячему желанию сходить в туалет. Но Алевтина Сергеевна терпела: вдруг она отлучится, а ее вызовут. «Они специально тут маринуют, чтобы воля слабела», — поныла она.

Ближе к часу дня ей стало совсем невмочь. И тут в коридор вышла судья, одетая в белое пушистое пальто, и стала записывать кабинет.

— А как же я? — подскочила к ней Алевтина Сергеевна.

— А вы кто? — поинтересовалась судья.

— Синицына я. Вы меня на беседу приглашали, на десять.

— Синицына? — судья замерла на секунду. — Ах, Синицына! Я же вас вызывала, а вас не было. Вы, наверное, опоздали.

— Да нет, я раньше времени пришла и все время тут сидела. Даже в туалет не отходила, — призналась Алевтина Сергеевна.

— Ну, это вы напрасно, — посочувствовала судья. — Мочевой пузырь надо беречь. Особенно в вашем возрасте. Но в десять вас тут не было.

— Была! — выкрикнула Алевтина Сергеевна.

— Гражданка Синицына, — укоризненно сказала пушистая судья. — Советую вам запомнить: спорить с судом — самое последнее дело, — развернулась и ушла.

У Алевтины Сергеевны зазвенело в ушах, а во рту появился металлический привкус. Она поняла, что новые сапоги жмут. Что колготки давят на живот, а бюстгальтер — на ребра. И что она сейчас лопнет. Она рванула к туалету...

Из здания суда Алевтина Сергеевна вышла только через полчаса. Она долго собиралась с духом — ей нужно было пройти мимо охраны, ничем не выдав своего состояния, все той же бляхой-мухой, какой она вошла в суд. К ее огромному облегчению, ни Николая, ни его напарника на посту не было.

Алевтина Сергеевна побрела на остановку автобуса. Холодный ветер дул по ногам в тонких колготках и трепал полиэстеровый шарфик, а первые снежинки таяли на пышущих щеках. Взглянув на расписание, Алевтина Сергеевна вздохнула. Сорок минут в таком виде она не продержится. Придется ловить левака. Она вышла на дорогу и подняла руку. Перчаток она не захватила — и пальцы быстро замерзли. Она уже приплясывала, когда увидела, что со двора суда выехал знакомый «газик». Алевтина отчаянно замахала руками, совсем забыв о том, что еще полчаса назад хотела избежать встречи с бывшим пожарным.

Машина остановилась — и она впрыгнула в нее без всяких церемоний.

— Коля, выручи, довези до дачи! — стараясь не стучать зубами, попросила она.

— Довезу, какой вопрос! Мы же теперь, считай, породнились. Через малину, — хохотнул дедок и поинтересовался: — Как все прошло-то? Нормально?

Алевтина Сергеевна досадливо поморщилась. Ей не хотелось рассказывать о своем фиаско. Но все-таки человек работает внутри. Пусть охранником, но тем не менее. И она честно рассказала Николаю про свое пустое ожидание и про разговор с судьей. Николай слушал молча, не отводя взгляда с дороги.

— Ты, Сергеевна, не расстраивайся, — примирительно сказал он, после того как Алевтина Сергеевна закончила. — У каждого судьи — в три раза больше исковых заявлений, чем они могут рассмотреть. И они что делают? Отшивают тех, кто правил игры не знает. Поэтому люди и ходят в суд с адвокатами.

— И что, у обычных смертных нет шансов выиграть дело? — недоверчиво спросила Алевтина Сергеевна.

— Есть, — не слишком убедительно ответил Николай. — Но для этого пуд соли съесть надо и не помереть от заворота кишок. У тебя-то иск на большую сумму?

— Да не в деньгах дело, — вспыхнула Алевтина Сергеевна. Потом подумала и добавила: — Хотя и в деньгах тоже. На двести тысяч меня кинули.

— Двести тысяч — это сумма, — согласился Николай. — Но в дачных делах обычно в складчину нанимают адвоката. У тебя есть сочувствующие?

Алевтина Сергеевна на вопрос не ответила. Некоторое время ехали молча. Чтобы заполнить паузу, Алевтина спросила:

— Ну что, костюм-то на рыбалке опробовал?

— Не успел, — вздохнул Николай. — Холодно уже. Но внук позавидовал.

— Так у меня еще два есть, меньшего размера. Мне ни к чему. Я отдам.

— Вот спасибо! — обрадовался Николай. — Будем с ним вдвоем рыбалить.

— Внук-то один?

— Один. Четырнадцать лет в этом году стукнуло.

— А мои уже и правнуков могли бы мне нарожать. Но не торопятся, — поделилась Алевтина.

— Нарожали бы — по судам ходить было бы некогда, — заметил Николай.

Алевтина Сергеевна не знала, как оценить это высказывание. Утешение это было или подковырка. Опять повисла пауза. Но, слава богу, уже свернули к поселку.

— Твой кум на охране?

— Не, он уволился. Не приглянулось ему тут у вас. Требуют, говорит, много, а платят мало и нерегулярно.

— Ой, чего уж с них особо требуют, — не удержалась Алевтина Сергеевна. — Знай себе на кнопку пульта нажимай. Даже и не выходят из будки. Вот, смотри!

Алевтина Сергеевна высунулась из окна у шлагбаума и помахала рукой:

— Свои, открывай! — Шлагбаум тут же поднялся. — Видишь? — обратилась она к Николаю. — За что тут платить-то?

Они остановились у дома. Алевтина Сергеевна осторожно, чтобы не перепачкать новую обувь, выбралась из «газика». Открыла скрипучую калитку и широким жестом пригласила Николая следовать за ней. Она почувствовала себя как-то особенному. Пальто, каблочки, шарфик, ветер, гравий шуршит под ногами и следом идет мужчина. Прямо как в фильме. Мужчина, правда, одет в камуфляжную куртку и черные потертые штаны. Но если не оглядываться...

Они унюхали запах дыма, как только вошли и, не сговариваясь, бросились к двери, ведущей в подвал. Работающая тепловая пушка стояла в опасной близости от подпорного бруса, брус дымился, а когда они распахнули дверь пошире, потянуло сквозняком, брус ярко вспыхнул и затрещал. Алевтина Сергеевна рванула по ступенькам вниз, а Николай почему-то — назад на улицу. Алевтина Сергеевна схватила закрывавший банки с компотами старый пуховик и попыталась обхватить им занявшийся брус. Запахло горелым пером, и Алевтина Сергеевна почувствовала, как плавится на ее шее шарфик. Тут появился Николай с топором в руке. Ногой оттолкнув пушку, он схватил свободной рукой трехлитровую банку с компотом и стукнул ей об угол бруса. Банка лопнула, компот попал на огонь, по подвалу потянуло жженым сахаром. Отбросив горлышко банки, Николай принялся обтесывать топором тлеющую часть.

— Пушку выключи! — рывкнул он Алевтине Сергеевне. — И беги, тащи одеяло.

Одеяло, впрочем, не понадобилось. Пока Алевтина Сергеевна бегала в мансарду, Николай уже затушил огонь. Вокруг валялись битые трехлитровые банки, свинченные крышки, сморщенные вишни и размякшие яблоки.

— Ты, Сергеевна, извини, что столько твоих компотов перепортил, — Николай виновато развел руками. — А брус все равно менять теперь придется. Но сама понимаешь — обстоятельства непреодолимой силы. Вопрос только один: кто их создал. Кого ты тут на хозяйстве оставляла?

— Костяна. Он у нас в поселке круглый год живет, в вагончике.

— Позвони-ка ему, позови сюда. Только о пожаре не говори, а то спугнешь.

Алевтина Сергеевна поднялась из подвала наверх, в прихожую, где валялась брошенная впопыхах лаковая сумка с так и не востребованными документами, кошельком и телефоном. Наклонилась, подняла сумку и ненароком увидела себя в зеркале: лицо в саже, обгоревшая челка, скукожившийся шарфик, пальто в белесых пятнах и колготки в крупных дырках. Ей непреодолимо захотелось запустить в зеркало чем-то тяжелым. По счастью, под рукой не оказалось ничего подходящего для метания. Пришлось просто отвернуться от своего жалкого отражения и сосредоточиться на телефонном звонке.

Она набрала номер. Телефон Костяна ровным, бесстрастным голосом сообщил: «Абонент временно недоступен». Надо было идти разыскивать. Но дефилировать в обгорелом виде по поселку не стоило. Да и Костян тут же бы догадался. Алевтина Сергеевна поднялась в мансарду, сняла с себя остатки былой роскоши, вытащила из кособокого шкафа дачную сумку: потертые штаны, флисовый свитер, вязаные носки. Спустилась на кухню, к крану, умыла лицо, кое-как оттерла сажу с пальцев, осмотрела в зеркало результат, заправила обгорелую челку под берет. В подвале гремел осколками и шуршал половой щеткой Николай.

— Слышь, Коля, — крикнула Алевтина, — недоступен поджигатель. Пойду поищу.

— Чует мое сердце — не найдешь ты его! — донесся голос Николая.

Сердце пожарного не ошиблось. Вагончик, где жил Костян, оказался заперт, а встреченный на обратном пути дворник Саид сообщил ей, что Костян вчера спешно уехал домой, в Донецк, вроде как там его поселок укропы разбомбили. Что ехать не хотел, боялся, что загребут в ополчение, но в доме все стекла вылетели, и тоже боялся, что мародеры все растащат, а в доме одна старая мать. Алевтине Сергеевне стало стыдно: на человека такое горе свалилось, он просто забыл пушку выключить, а она его в поджоге подозревает.

Николай встретил ее на веранде, он оттирал пятна с куртки при помощи губки и прихваченных с кухни «Ферри» и

уксуса. Он выглядел так по-свойски, как будто жил здесь всю жизнь. Алевтине Сергеевне вдруг захотелось спросить его про семейное положение. Но она тут же представила этот мезальянс: полковничиха и прапор. Наверняка прапор. Было бы звание выше — не торчал бы на проходной в районном суде. Да и моложе он ее намного. Его внуку — четырнадцать, ее — двадцать пять. Господи прости, дыму надышалась...

— Нету? — коротко спросил Николай, на секунду подняв взгляд.

— Нету, — подтвердила Алевтина Сергеевна. — Дом у него под Донецком. Разбомбили. Вчера подхватился и уехал.

— Понятно. Но я тебе одно, Сергеевна, скажу: или ты страховку оформляй на дом в проверенной компании, или судиться прекращай. Первый раз в суд сходила — тебе подвал затопили, второй раз — пожар устроили. Пора выводы делать. А кум-то мой правильно от вас уволился — неспокойно тут.

У Алевтины Сергеевны внутри все всколыхнулось: знакомы недавно, а уже учит жизни, молокосос! Вслух, однако, она произнесла:

— Я тебе, Коля, по гроб жизни обязана. За осушение, за тушение и за советы!

Николай смутился, потер нос тыльной стороной ладони и пробормотал:

— Да чего уж там. Я мужик. К тому ж — пожарный. А советы — это бартер, за малину и костюмы.

— Ах да, костюм! — спохватилась Алевтина и направилась в подвал.

Прилипая к политутому компотами цементному полу, она добралась до дальнего угла, нашла покрывшийся сажей чехол с прорезиненным костюмом и, стараясь не рассматривать детали нанесенного пожаром ущерба, поднялась обратно на свежий воздух.

— Держи, Коля! Удачной рыбалки вам с внуком!

Николай еще больше смутился:

— Ты, Сергеевна, извини, если я что не так...

— Не переживай, Коля. Ты все правильно говоришь. По сути. Еще раз спасибо!

— Ты, Сергевна, телефончик мой запиши. Если вдруг что, я подскочу.

Обменялись телефонами. Но Коля все не уходил.

— Слышь, Сергевна, я на веранде культиватор углядел. Он у тебя пашет?

— Не пашет, — вздохнула Алевтина Сергеевна. — Да и некому на нем пахать.

— Давай я возьму, попробую наладить. Если налажу — я тебе весной грядки вскопаю. А сначала на своих опробую, если ты не возражаешь.

Алевтина Сергеевна не возражала. Коля погрузил в свой «газик» ее культиватор. На том и расстались.

Глава 9

Александра стояла перед железной дверью в Катину квартиру и не решалась нажать на кнопку звонка. Она очень рассчитывала на поддержку мужа при разговоре с отцом. Поэтому в бывшую генеральскую квартиру на 2-й Фрунзенской они отправились вместе на машине Петра.

Пока ехали, Петру позвонил его партнер Сева, и Петр включил телефон на громкую связь. Сева очень импонировал Александре: такой экранный, такой весь из неотсюда. Если бы Александра была за ним замужем, она бы, наверное, зашила себе рот и день-деньской пропадала бы в тренажерном зале. Когда они вместе отдыхали в Ницце: Петр с Александрой и Сева с очередной пассией, Александра даже на пляж не ходила под разными предлогами. И еще у нее начисто пропал тогда аппетит, и никакие прованские деликатесы не соблазняли.

Александра при звуке голоса Севы инстинктивно приосанилась и подобрала живот. У Севы был такой бархатный, такой глубокий голос. Но сегодня он звучал напряженно и жестко, говорил как будто сквозь зубы. Уверял Петра, что нужно сворачивать лавочку, что сверху дали отмашку и люди уже заряжены и что надо пересмотреть его долю при финальном подсчете. Петр огрызнулся, отвечал, что доля Севы может быть только уменьшена, а отнюдь не увеличена, что у Севы есть

много источников, а у него, Петра, только доход от компании, и он теперь невольно пострадавший. Александра видела, что муж вышел из себя и едва сдерживается. Он чуть не влетел в бампер впереди идущей машины при торможении на светофоре, и это внимательный и педантичный Петр.

Когда они подъехали к дому, он знаком показал жене, чтобы шла одна, а сам остался в машине продолжать разговор.

А одна Александра уже ездила к отцу. И не раз. Отец гладил лежавшую на его коленях Катину шаль, плакал и просил сдать его в дом престарелых. Смерть Кати сокрушила его: словно покойница забрала с собой его военную выправку. Отец как-то согнулся, потерял аппетит, похудел, и даже кожа на щеках обвисла. Ночевал он теперь на узком диванчике в зале — в спальню не заходил. Катины наследники не торопили отца с выездом, но в любом случае оставлять его одного было нельзя. Александра была уверена, что, как только мать увидит его, смягчится и пустит его обратно домой просто из человеческого сострадания. Но когда Александра предложила отцу поехать повидать бывшую жену, он сжался в комок и, закрыв глаза руками, затряс головой: «Саша, я ее боюсь. Я даже в глаза ей не смогу посмотреть. Она как удав. Она съест меня, Саша».

И тогда Александра решила привлечь на помощь мужа. При Петре отец не позволит себе так раскисать, а Петр проникнется проблемой, и если отца сразу поселить к матери не удастся, то муж будет морально готов временно пожертвовать своим домашним кабинетом.

Севин звонок был совсем не вовремя. Александра опять оказалась один на один с отцом. Но делать было нечего. Она нажала кнопку звонка. За дверью послышалось шарканье, пауза на разглядывание через глазок, щелканье замка. Дверь открылась, на пороге стоял отец Лев Иванович в старом тренировочном костюме с отвисшими коленками и в тапочках на босу ногу. Лев этот Иванович нервно ерошил ежик на голове и часто моргал покрасневшими глазами.

— А, это ты, Саша, — вместо приветствия произнес он, словно ждал кого-то другого.

Александра всплеснула руками: